

Вейкко Хаакана

Антери,
сын Лапландии

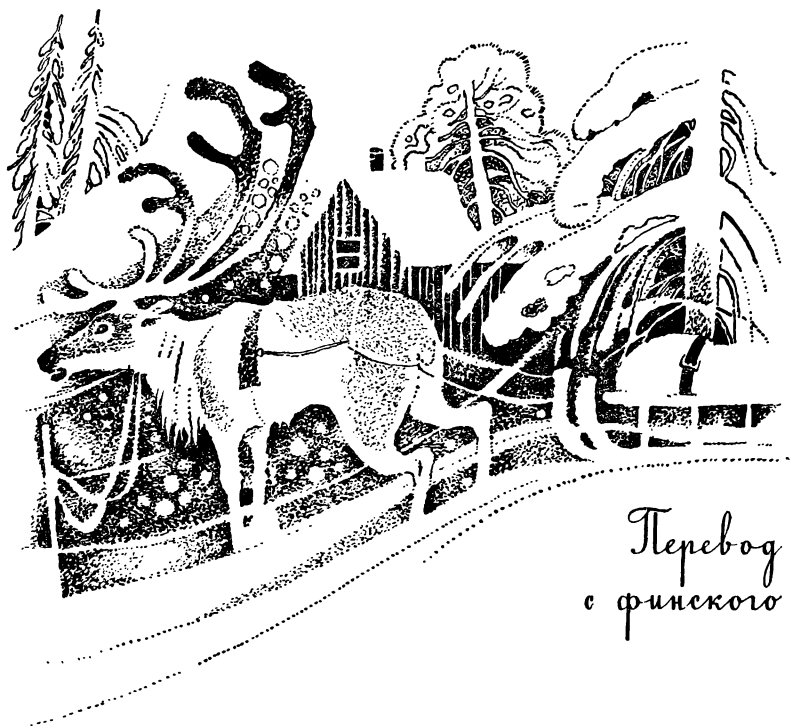

Москва • «Детская литература» • 1978

Вейкко Хаакана
Антери,
сын Лапландии
Повесть

Перевод
с финского

Рисунки Е. Савина

И (Фин)

X12

Veikko Haakana
Anteri, Lapin Poike
Hämeenlinna,
Arvi A. Karisto Oy,
1971

Перевод с финского

В. Смирнова

X $\frac{70802-519}{M101(03)78}$ 388—78

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1978 г.

Глава первая

Это повесть о мальчике.

Повесть эта могла бы быть о любом мальчике в любой стране, потому что мальчики — везде мальчики. Везде в мире они хлопочут над важными изобретениями, совершают отважные путешествия и замечательные подвиги, из-за которых у их родителей сдают нервы. Им ведомы счастье, радость и бурный восторг, но не только. Бывают у них и минуты невзгод, лишений и горя, хотя об этом мало кто знает.

И все же эта повесть не о любой стране. Ее действие разворачивается в финской Лапландии, в деревушке примерно в ста пятидесяти километрах севернее Полярного круга. Мальчика зовут Антери, и он все же немножко не такой, как,

например, мальчик в джунглях, который ходит без рубашки, а зачастую и без штанишек. Причина этого различия не в самом Антери и не в мальчике из джунглей. Причина в штанишках и рубашке, иначе говоря, в различных условиях жизни этих двух мальчиков. Если мальчик в джунглях отправляется гулять при сорокаградусной жаре, то Антери катается зимой на лыжах при сорокаградусном морозе, а это разница, и немалая. Разница в восемьдесят градусов, и это что-нибудь да значит, если речь идет о роде и характере мальчишечьих изобретений, путешествий, геройских подвигов и приключений.

Так вот, когда сумрачно-синим вечером Антери вернулся из школы домой и, немного закусив, собрался пойти на лыжах, ему пришлось хорошенько одеться, чтобы не замерзнуть на морозе,— дело было в начале февраля. Хотя до сорока градусов мороз не доходил, двадцать все же было, и к ночи он еще крепчал, как всегда бывает в Лапландии при переходе от зимы к весне. В полдень, когда солнце уже поднималось примерно на высоту лыжной палки над горизонтом, температура могла немного повыситься, как сегодня. Но если небо было безоблачно, за вечер и ночь ртутный или спиртовой столбик термометра укорачивался, и было ничуть не удивительно, если утром, когда пора было идти в школу, он останавливался у цифры сорок, сорок пять или даже пятьдесят.

Собаке Сэпи тоже хотелось бы отправиться вместе с Антери, в осеннюю пору ей всегда это дозволялось. Но с начала месяца ее никуда не выпускали со двора, как всех собак во всех домах деревни. Исключение составляли олени собаки, когда они вместе со своими хозяевами были при оленях в тайге. А Сэпи была лайкой для охоты на птиц и поэтому должна была сидеть на привязи, на беговой веревке, один конец которой был привязан к колу, вбитому в землю близ конуры, а другой к дереву, стоявшему в тридцати метрах поодаль. Ошейник Сэпи был сцеплен тонкой цепочкой с беговой веревкой — таким образом собака могла бегать, насколько ей позволяли веревка и цепочка... Встав на лыжи, Антери подъехал к Сэпи, погладил ее по голове и еще раз объяснил, почему ее держат на привязи:

— Послушай-ка, Сепи. Я еду на лыжах на болото Кáлтио обследовать разные места, и там могут оказаться домашние северные олени. Им голодно в тайге, и в конце зимы они приходят к деревням. Ты не удержишься и будешь гоняться за ними, и они могут забежаться до смерти, такие они сейчас изголодавшиеся и слабые. Пользы от этого никакой, а, наоборот, только ущерб для владельцев оленей... К тому же сейчас слишком много снега. Снег лежит слоем толщиной в метр и даже больше, а у тебя нет лыж. У меня, видишь ли, длинные лесные лыжи отца, и то они проваливаются в снег. А на обычных лыжах я бы и шагу ступить не мог... Есть еще и третья причина. Тетерева, глухари и куропатки угрелись в своих снежных ямках и спят, и если бы ты учуяла какую-нибудь птицу, она могла бы погибнуть. А такие штуки в это время года непозволительны, сейчас, видишь ли, запретный сезон... Так что оставайся-ка тут на дворе и стереги дом, как подобает собаке. Осенью, когда откроется охотничий сезон, ты уйдешь с отцом далеко в тайгу, попадешь к дедушке. Может быть, и я тоже попаду, но это не наверняка...

Понимала ли Сепи, что говорил ей Антери? Во всяком случае, она лизнула его в кончик носа, а потом вскочила на крышу конуры, чтобы как можно дольше видеть своего удаляющегося друга. И немного спустя после того, как Антери исчез за оснеженными деревьями, а скрип его лыж и палок затих, она взвизгнула жалобно и глухо.

Антери не слышал этого, так как на уши у него была нахлобучена шапка. Но он все же думал о Сепи, думал так, как полагается думать о настоящем друге и верном товарище. Были у него мысли и о другом. Мыслей было много.

Сепи было шесть лет. Антери помнил, как ее щенком принесли в дом, не в тот, где они жили теперь, а в тот, который казался и вспоминался ему его настоящим, родным домом. Дом этот был далеко отсюда, и лужайки его двора, тропинки к бане и другие знакомые места находились сейчас под водой...

На этом мысли Антери обычно обрывались, и его охватывало странное чувство нереальности. Как будто все, что про-

изошло, было не действительностью, а сном, кошмарным сном, от которого скоро очнешься и увидишь себя в своем прежнем родном доме, в своей постели, и мать будет занята своими утренними делами, а отец собираться на работу. А еще будет дедушка, он будет сидеть на табуретке у печи и вырезать или острогивать ножом какую-нибудь домашнюю утварь.

Как все, собственно, случилось? Постой-ка...

Когда-то, много лет назад, взрослые заговорили о постройке водохранилища. Потом ему дали имя, его стали называть водохранилище Локка. Страна нуждалась в электричестве, оно было нужно людям на юге. Ну, об электричестве им говорили в школе, и были ведь карманные фонари с батарейками, а в батарейках электричество. И для радио, чтобы его можно было слушать, тоже нужны были заряженные электричеством батарейки. А на юге электричеством освещали и комнаты, оно питало станки на заводах и заставляло бежать по рельсам трамвайные вагоны.

Само электричество вырабатывалось на силовых установках, приводимых в движение водой, и чтобы получать его много и непрерывно круглый год, требовалось много воды. Вот для чего нужно было водохранилище — оно служило как бы складом больших запасов воды.

— Это хорошо,— сказал тогда Антери.— По мне, так пусть будет хоть два водохранилища.

— Их и будет два,— ответил отец.— Одно — водохранилище Локка, другое — Пóртипахта, и их свяжет друг с другом канал.

— Наша школа перестанет существовать,— сказал учитель.— Место, на котором она стоит, и все другие здешние места, вся деревня уйдет под воду. Это произойдет через несколько лет.

Антери учился тогда в первом классе и решил, что это неправда. Он спросил у матери и, так как не мог поверить и ей, спросил наконец у отца и дедушки.

— Учитель прав,— сказал отец.— Вся деревня уйдет под воду.

— И наш дом тоже? — допытывался Антери.

— И наш дом тоже. Но до этого мы переберемся в другое место,— сказал отец.

— А я никуда не поеду,— сказал дедушка.

— Уехать придется...

Так прошел год, другой. Отец получил работу на постройке плотины, Антери ходил в школу. Все шло как будто по-прежнему и даже лучше, чем прежде, потому что отец хорошо зарабатывал и от этого выигрывала вся семья: они покупали новую одежду и ели вкусно и сытно. Антери обзавелся новыми шикарными лыжами и спускался на них по крутым горкам с обрыва, над которым стоял его дом,— так делали соседские ребятишки каждый на своем участке, а иногда все вместе. Взрослые мужчины работали кто в оленьей тайге, кто на лесоразработках, а многие на стройке плотины; матери ходили за скотом, стряпали, стирали и чинили одежду. И все-таки что-то изменилось, изменилось каким-то необъяснимым образом. Словно невидимая грозная туча нависла над жилищами и занятиями людей. Иногда тень ее омрачала лоб матери или отца, и они, прервав какое-нибудь дело, словно в забытьи, смотрели в пространство, где и смотреть-то не на что было. А иной раз туча нависала над какой-нибудь горкой для катания на лыжах или на санях, и тогда затихали крики, смолкал смех. Обрывался восторг, только что бушевавший в детских сердцах, маленькие лыжники и человечки с санями расходились по домам, и им казалось, что и лыжи не скользят, и санки вдруг стало тяжело тащить.

А по ночам выли собаки. Вероятно, собаки выли всегда, особенно в полнолуние, но старые люди говорили, что теперь они воют больше, чем прежде, и по-другому. Это было страшно — не собачий вой сам по себе, а то, что старые люди приписывали ему какое-то значение.

Настало третье лето, Антери перешел в третий класс. У отца была постоянная работа на строительстве плотины или где-нибудь в тех краях. Вероятно, плотину уже почти закончили, потому что вода начала прибывать. Сперва это стало заметно по речке, протекавшей близ дома Антери. Уровень воды в ней не опускался и в сухой период. Течение в реке

тоже остановилось, и все стремнины, пороги и водопады исчезли. Богатые хариусом и форелью места, которые показывал дедушка и которые в другие летние сезоны давали обильный улов, перестали существовать, и рыба в это лето ловилась где попало или не ловилась нигде, хотя ей предлагали лучшую наживку или специально изготовленных дедушкой бабочек.

В конце лета в их местах появилась большая партия рабочих с моторными пилами и топорами. Они повалили наземь весь березняк и ивняк, росший по берегам реки, причем сделали это основательно, широкой полосой по обеим сторонам русла. Весь поваленный лес они собирали в большие кучи и так продолжали продвигаться к верховьям реки, откуда вплоть до поздней осени и начала зимы слышался удаляющийся стрекот моторных пил и прочие звуки работы. А когда начались осенние дожди, следом за первой партией рабочих пришла вторая. На спине у них были ранцы с металлической рамой, а в ранцах большие баллоны со сжиженным газом; через плечо, извиваясь, тянулись шланги с соплом, из которого с шипением вырывалось красное пламя. Рабочие, направляя пламя на кучи хвороста и деревьев, поджигали их. По обоим берегам реки, насколько хватал глаз, вздымались огромные языки пламени и столбы дыма. Темные осенние ночи озарялись призрачными багровыми отсветами этого полыхания. Весь пейзаж постоянно заволакивала завеса дыма, и капли дождя, пройдя сквозь нее при падении на землю, из чистых и прозрачных становились черными, с примесью сажи.

Это была последняя зима, которую Антери прожил в родном доме. Многие семьи уже выехали, и их дома стояли опустелые, но школа еще работала... Невеселая была это зима. На всем, что бы человек ни делал, лежала печать недолговечности и прощания. Люди перестали следить за порядком в домах и чистотой своего окружения, и кучи мусора и отходов накапливались у наружных дверей. Но дедушка Антери все же стремился поддерживать порядок.

— Зачем носить зря так далеко помои и мусор,— не раз говорила мать.— Ведь мы уедем отсюда, и все покроет вода.

— Кто хочет, пусть уезжает,— говорил дедушка.— Я не уеду, я уже сказал.

— А мне можно остаться с дедушкой? — спрашивал Антери.

— Нет. Ты уедешь с матерью и отцом,— отвечал дедушка.— Нельзя, чтобы у тебя прервались занятия в школе, ведь наша школа закрывается... Как знать, может, и мне придется тронуться с этого места, только я далеко не уеду. Не на весь же свет разольется вода, а здесь поблизости есть высокие горки и, на худой конец, даже сопки чуть подалее. Поселюсь там, как можно ближе к нашим местам. Этот дом построен моими руками, эти поля расчищены мною, и леса вокруг все мои, знакомые. Останусь здесь до конца своих дней.

— И мне хочется остаться,— твердил свое Антери со слезами на глазах.

— Сильные никогда не спрашивают, чего хочется слабым,— говорил дедушка.— Но ты можешь проводить меня в долгие летние каникулы, или на зимние рождественские каникулы, или на пасхальные. Во время пасхальных каникул наст обычно хорошо держит, и тогда легко идти на лыжах.

— Я приду, и не один раз,— говорил Антери.

— Ладно... Но ведро с мусором я, как и прежде, буду выносить на помойку, пусть даже никто другой не выносит,— говорил дедушка.

— И я тоже буду,— говорил Антери.

— Конечно, будешь. Ты сильный мальчик. Ну, а теперь займись уроками и еще усерднее помогай матери там, на новом месте, когда дедушки с вами не будет.

Глава вторая

Антери шел на лыжах к болоту Калтио. Он считал важным освоиться с окрестностями здесь, на новом месте, где они теперь жили. Никогда нельзя знать наперед, когда какие знания, умение или знакомство с каким-нибудь местом могут

понадобиться человеку. Кто знает, может, на болоте Калтио вырастает по осени морошка и ее следует искать как раз на его окраинах. Это кое-что да значит, если ты сможешь послужить проводником матери или кому угодно, когда настанет пора собирать морошку.

Сейчас, в зимнее время, не было опасности заблудиться, так как лыжи прочерчивали на снегу верный обратный путь. Только сильный снегопад или вьюга могли уничтожить его, но сегодня этого не приходилось опасаться, потому что небо было безоблачное. Даже темнота не могла быть помехой. Длинные лесные лыжи сами собой будут влегать в лыжню. К тому же зимняя ночь в Лапландии никогда не бывает совершенно черной, если видны хотя бы звезды. А также северное сияние и луна...

Они оставили свой старый дом прошлой весной. Снег тогда уже таял. Большие реки скоро должны были разлиться, вода в водохранилище подняться, и они остались бы на острове, если бы не выехали, сказал отец.

И вот прибыл большой грузовик, и в него погрузили немногочисленную мебель, хозяйственные принадлежности, несколько узлов с одеждой, лыжи и велосипед, рабочий инструмент отца и учебники Антери. Собаку Сепи посадили в кабину вместе с матерью и Антери, а отец ехал позади на новом мопеде, который он купил для того, чтобы ездить на работу.

Но до этого отец продал дом и земельный участок электрокомпании, той, чьими силами сооружалось водохранилище. Точно так же были проданы две коровы и теленок — их домашний скот. У них осталась только Сепи, и это было хорошо. Лучшей птичьей собаки, чем Сепи, не было на свете, говорил отец. И Антери верил этому, ведь он знал, как много дичи принес отец домой в прошлую осень. Это были глухари, глухарки и тетерева. Были также и куропатки, но их Сепи не облаивала. Куропатки жили и передвигались на земле, они, конечно, могли и летать, но почти никогда не садились на дерево, где их можно было облаять; Антери знал это по

рассказах отца и отчасти по собственному опыту. Но вот что было удивительно: это знала и сама Сепи и потому никогда не лаяла на куропаток. Когда ей удавалось учуять этих птиц по оставленным на земле следам или как-нибудь иначе, она не раскрывала пасти и не бросалась на них. Возможно, опыт научил ее, что это бесполезно, так как куропатки всегда успевали стать на крыло и улететь. Сепи просто оставалась на месте, глядела в ту сторону, где она чуяла стаю куропаток, и в крайнем случае лишь помахивала хвостом. По всему этому отец знал, что ему следует пойти посмотреть в том направлении, держа ружье наготове. Могло случиться, он замечал этих окрашенных под цвет местности птиц, и тогда дело было ясное. Но могло случиться и так, что он не видел их, сколько бы ни напрягал зрение, такую хорошую защитную

окраску они имели. В таком случае охотнику следовало попытаться тихонько подкрасться поближе, все время держа ружье наготове, и, когда стая куропаток становилась на крыло, пустить им вслед дробовой заряд. Тогда обычно куропатка или две падали на землю, и Сепи получала в награду печень птицы, а охотник клал в свой рюкзак новую добычу.

Раза два или три Антери ходил вместе с отцом на охоту, и теперь, зимой, это были чудесные воспоминания... Отец мог уходить в лес только по воскресеньям, так как в остальные дни недели он работал. И у Антери тоже была своя работа — занятия в школе. Однако в какое-то воскресенье сентября или октября, когда мать еще спала, отец приходил будить Антери, как они уговаривались накануне. Их рюкзаки были уложены уже с вечера: несколько бутербродов, зажаренное матерью птичье мясо, сахар, кофе, закопченный охотничий кофейник отца, выдолбленные дедушкой деревянные чашки-куксы. Плащи на тот случай, если днем пойдет дождь.

Брезжило, солнце еще не вставало. Могло стать, над землей висел туман, но с восходом солнца он рассеивался... Сепи была готова. Она знала, о чем речь, видя у отца рюкзак на спине и ружье на плече. Она радостно лаяла, высоко подпрыгивала и вся дрожала от восторга.

Они дважды бродили в лесах, которые окружали их новый дом, и их тогдашняя добыча была не особенно велика — всего лишь две-три птицы за каждый раз. Но чудесно было вспомнить ту минуту, когда Сепи своим лаем возвестила, что нашла стоящую выстрела дичь, и они стали тихонько подкрадываться к ней. Двигаться надо было с осторожностью. Отец шел впереди с ружьем в руке, Антери за ним, ставя ногу в его след и в точности повторяя его движения.

Продвигаться вперед надо было под укрытием разлапистых елей, кустов, стволов деревьев, валунов и кочек. Но так, чтобы не сломалась ни хворостина, не шевельнулась ни ветка. Иногда приходилось подаваться назад и искать нового пути с другого места, так, чтобы что-то постоянно заслоняло приближающихся охотников от птицы, настороженно сидящей на дереве. На мало-мальски открытых местах надо было передви-

гаться пригнувшись или ползти медленно, совершенно беззвучно. И все время, не переставая, слышался лай Сепи.

Но вот наконец крадущийся впереди отец увидел мельком собаку. Возможно, это был закрученный хвост Сепи, ее стоящее торчмя ухо или какая-нибудь другая часть ее тела, возможно, черный кончик морды, указывающий на одно-единственное дерево среди множества деревьев. Во всяком случае, теперь по увиденному можно было решить, на каком дереве сидит птица. Если это темный, крупный глухарь, человеческий глаз скоро отыщет его. А если это глухарка или тетерка, которая вдобавок к своей замечательной защитной окраске еще и притаилась за стволом дерева или толстым суком, то увидеть ее необычайно трудно... Собственно говоря, уже по первым звукам лая Сепи отец узнавал, о какой птице идет дело. Он говорил, что Сепи по-разному облаивает глухаря, глухарку и тетерева. Антери пытался по слуху определить оттенки лая, но не мог уловить никакого различия.

— Этому может научить только долгий опыт,— сказал отец.— Если из тебя выйдет охотник...

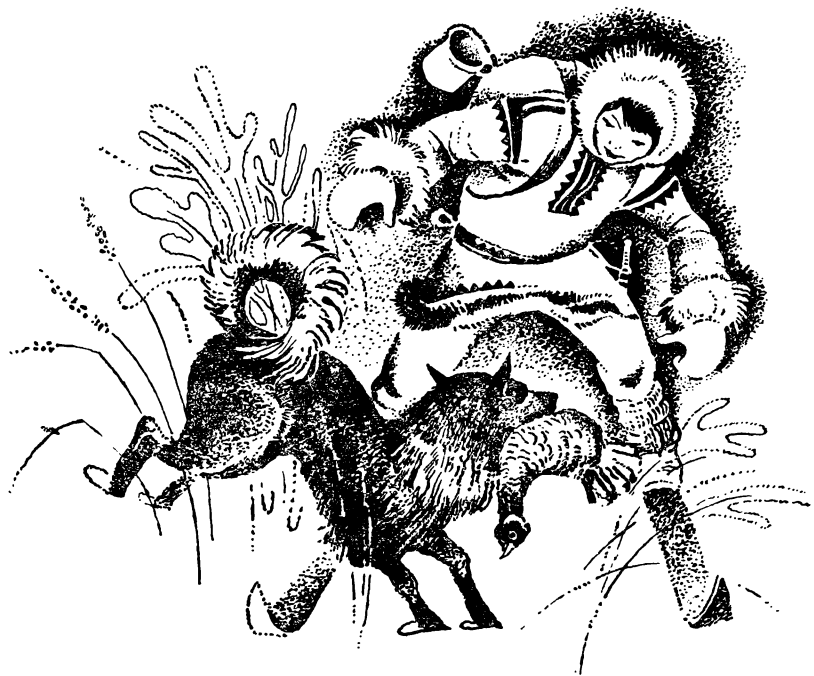
— Из меня выйдет,— сказал Антери.

— Ну, ладно. Тогда в один прекрасный день ты расслышишь и поймешь, что хочет сказать тебе собака.

— А разве собака умеет говорить? — спросил мальчик.— Неужели у нее и вправду есть слова?

— Есть. Только очень немногие умеют их понимать... И другие звери тоже разговаривают, каждый на свой лад, и человек может научиться понимать, что они хотят сказать. Животные обычно разговаривают между собой, подают голосом сигналы друг другу, и у этих сигналов есть определенный смысл. А животные, которые находятся на попечении человека, адресуют издаваемые ими звуки своему попечителю, человеку. Вот как Сепи сейчас. И человек должен правильно истолковывать слова животных... Сейчас Сепи облаивает глухарку.

И когда они оказались на месте, с которого отец увидел ее, он рукой подал Антери знак стоять не шевелясь. Затем осторожно, медленно и спокойно навел ружье на добычу. В ту минуту Антери прямо-таки не знал, куда ему смотреть —

на отца ли, чей палец огибал спусковой крючок, на ствол ли ружья, установившийся неподвижно, на Сепи ли, которая неистовствовала под деревом, или на само дерево, с которого скоро должна была свалиться глухарка.

Выстрел — и медля, словно раздумывая, что делать, птица падала вниз. Иногда это происходило и быстро, если падению ничто не мешало. Обычно же ветви дерева задерживали падение, от этого и казалось, что птица медлит. Лишь когда ветви кончались и начинался гладкий ствол, птица начинала падать нормально.

А Сепи уже встречала ее. Лай собаки обрывался точно в тот момент, когда раздавался выстрел. По своему опыту она знала, что теперь надо быть начеку и действовать быстро на тот случай, если птица только ранена; тогда она сможет

очнуться и побежать, а то и взлететь. Однако этого никогда не случалось. Сепи на лету подхватывала совершенно бездыханную добычу. Для верности Сепи прикусывала ее, опускала на землю, становилась на нее лапами и оглядывалась на приближающихся хозяев. Ее глаза были при этом удивительно блестящие, казалось, она улыбается.

В таких случаях отец никогда не забывал поласкать Сепи, он похлопывал ее по голове и хвалил за то, что она такая замечательная собака. В его голосе звучали особенно теплые нотки, когда он говорил:

— Хорошо, Сепи. Так и надо... Ну, отдавай ее мне. Она мертва и теперь никуда не денется. Я выпотрошу ее, и ты получишь награду.

Сепи отдавала птицу отцу, и он вскрывал ее и удалял внутренности. Они-то и были наградой собаке — печень и иногда легкие. Кишки вешали на сук, зоб и маленькое сердце вскрывали и вычищали, а затем запихивали обратно в птицу и закладывали пучком еловых или можжевельновых веток.

Антери хотелось знать, зачем это делается.

— Видишь ли, птица еще теплая, и, если ее положить в рюкзак со внутренностями, она начнет портиться, хотя сейчас уже осень и погода не очень теплая. А если удалить внутренности и положить в птицу хвойных веток, брюшная полость останется открытой и в ней будет обмен воздуха. А в очень теплую погоду подстреленную птицу следует некоторое время продержатъ вне рюкзака, хотя она и выпотрошена...

Так это было, и Антери запоминал все, чему учился. Он внимательно смотрел, с какого места отец начинал вскрывать птицу, как вытаскивал внутренности, как рассекал и вычищал задний желудок и сердце, сколько и каких веток закладывал в пустую брюшную полость. Он спрашивал, отец объяснял. В каждом действии был свой смысл, даже в том, что Сепи почти всегда давали лапу первой подстреленной птицы.

— Так освежается ее память о запахе ног птицы, и с помощью носа она отыскивает на земле следы птицы, хотя не

видит их. Она может учуять запах птицы также и в воздухе и поэтому знает, в какой стороне ее искать... Сепи в самом деле хорошая птичья собака, я уже не раз это говорил. В отношении куропаток она ведет себя как птичий пойнтер, в отношении других наземных птиц как лайка, и даже водяных птиц она умеет искать, коли на то пошло. Но на них я не охочусь — разве что случаем на гусей...

— Сепи еще голодна, — замечал Антери и обращал на это внимание отца. — Не отдать ли ей другую ногу птицы, ведь мы не покормили ее, когда вышли утром из дома.

— Так надо, — отвечал отец. — Когда собака голодна, тем более рьяно она ищет птиц. Накорми ее сейчас досыта — она устанет и не сможет бегать, как положено. Сепи не умрет с голоду. Она может несколько дней пробежать без крошки пищи. Только дома она получит вдоволь хорошей еды...

Новыми и отчасти странными вещами, их изучением и усвоением были полны первые охотничьи походы Антери. Когда наступал полдень, они отыскивали где-нибудь на краю болота смолистый пенек и разводили костер, чтобы сварить кофе. Из источника или из ручья отец набирал в свой черный кофейник серебристо-прозрачной воды, вытесывал маленьким охотничьим топором или ножом тонкую березовую жердь и вешал кофейник над огнем. От красных жарких языков огня вода вскоре закипала, и вкусный запах кофе смешивался со сладким ароматным дымом горящей смолы. Бутерброды и птичья нога были быстро съедены, между тем как Сепи отдыхала от беготни возле отцовского рюкзака, в котором лежала дичь. Она считала своим долгом стеречь его всегда, когда он не висел у отца за плечами.

Глава третья

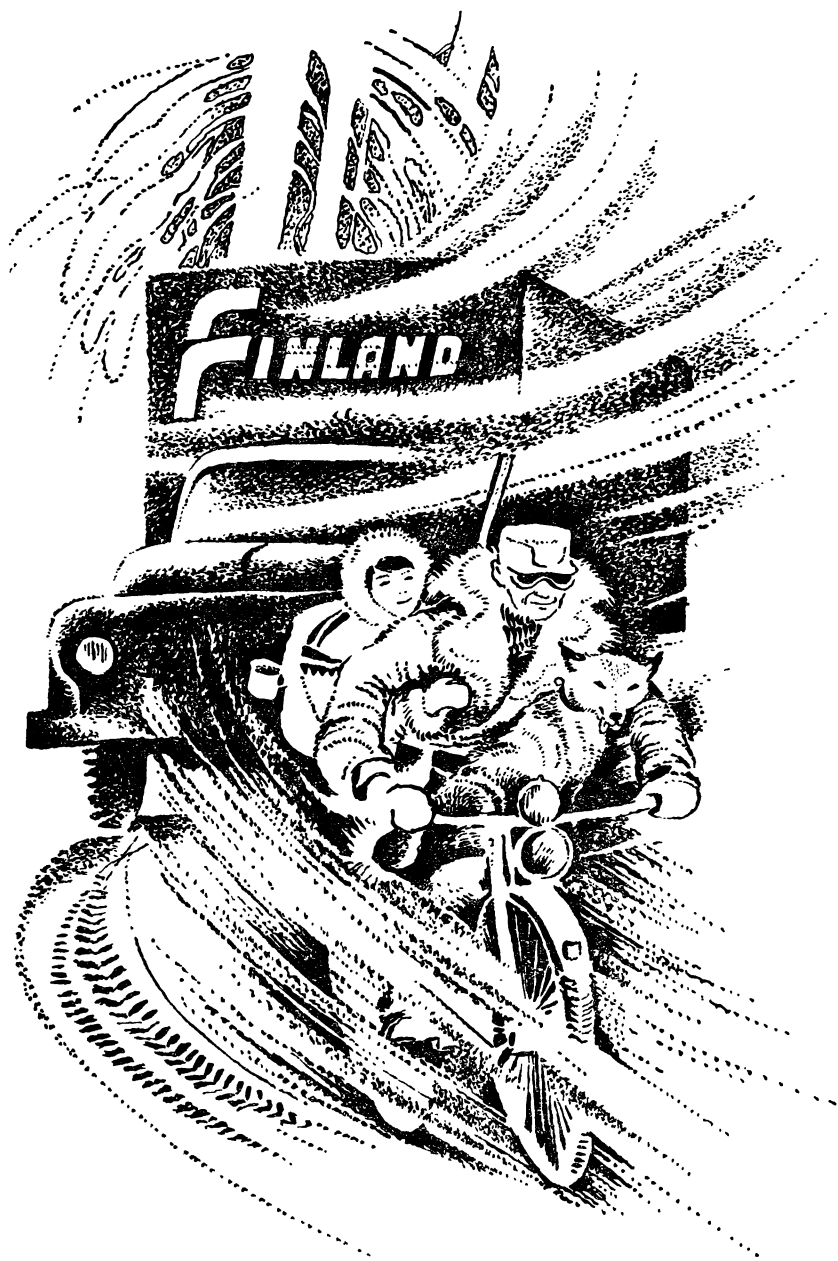
Третья и последняя охота, на которой побывал Антери вместе с отцом прошлой осенью, по обилию событий, дальности пути и продолжительности, а также по богатству приобретенных таежных знаний и сноровки далеко превосходила обе

предшествующие, проведенные в ближайших окрестностях дома, в котором они теперь жили. Антери часто вспоминал о ней. Он вместе с отцом рассказывал о ее подробностях. Он говорил о ней матери. Он даже пытался упоминать об этом единственном в своем роде хождении по тайге и деревенским ребятишкам, но он был всего лишь третьеклассник, и мальчики из старших классов не слушали того, о чем говорил им младшеклассник, тем более что, вдобавок ко всему, он был приезжий. Даже у всех сверстников Антери, казалось, были свои собственные переживания, как в тайге, так и в других местах, то ли подлинные, то ли мнимые. Во всяком случае, они наперебой рассказывали о них, и голос Антери тонул в болтовне других.

Собака Сепи тоже не всегда интересовалась рассказами и воспоминаниями Антери. Какое-то время она могла слушать, глядя ему в глаза или наклонив голову. Но вероятно, все это было лишь притворство, потому что посреди разговора она широко разевала пасть и громко зевала. А потом отворачивалась и, высоко подбирая лапы, шла спать в конуру.

Ясное дело, в мороз у Сепи мерзли ноги, ведь у нее не было обуви; то, что она удалялась в конуру, было понятно. Да к тому же Сепи и сама была с ними на той охоте, и ей надоели эти бесконечные воспоминания... Но Антери все же представилась долгожданная возможность, когда учитель на одном уроке задал сочинение на тему *«Путешествие по тайге»*. За урок Антери написал восемь страниц, тогда как другие мальчики — самое большее две, а иные и полстраницы. Все переживания Антери, конечно, не уместились и на восьми тетрадных страницах, но, хотя из-за спешки в сочинении и были грамматические ошибки, по мнению учителя, оно было написано хорошо и увлекательно, и он прочел его перед всем классом. Став предметом всеобщего внимания, Антери, правда, сконфузился, но, с другой стороны, подумал про себя: «Вот теперь-то вы слышите, этакие вы болтуны и таежники». Все должны были слушать рассказ Антери о тайге, потому что сидели на уроке и учитель читал. Никто не мог прервать его.

...Они отправились из дому уже в пятницу вечером. В субботу у Антери был свободный от занятий день и отец тоже не работал. Сепи же была всегда готова, когда речь шла о том, чтобы уйти в лес.

Они долго ехали на мопеде по шоссе на север. Антери сидел сзади, ухватившись за пояс отца, Сепи устроилась на бензобаке между руками отца, державшими руль.

Был октябрь, погода стояла занозисто-ясная и солнечная, снег еще не выпал. Лес у дороги, болота, склоны пригорков и далекие сопки пламенели сияющими красками осени. Поездка с самого начала была как праздник.

Она была праздником еще и оттого, что они направлялись в те места, где был дом, в котором Антери провел свое детство. Хотя, насколько было известно, дом стоял теперь на острове, а то и вовсе ушел под воду, однако ближние горки прежней деревни все же возвышались над поверхностью воды. Быть может, с вершины какой-нибудь из них можно будет оглядеть окрестность и удостовериться, как обстоят дела. Хорошо было также повидать дедушку.

Правда, отец сказал, что это не наверняка. Он-то знал, где живет дедушка. Дедушка соорудил себе маленькую простую хижину на склоне горки и поблизости от их прежнего дома, и отец в одну из поездок проведаль его. Но до его жилья надо было долго идти пешком, и, если бы даже они успели добраться туда за два предстоящих дня и две ночи, неизвестно было, застанут ли они его дома. Он много рыбалил и охотился, делал длинные концы и отсутствовал дома по нескольку ночей кряду.

— Посмотрим, как все обернется,— сказал отец.— Во всяком случае, нынче вечером мы никак не успеем туда. Останемся на ночь у сосны.

«Ночь у сосны»... Эти слова были окружены ореолом. Антери слышал, как олениводы, добытчики лосей и другие таежники пользовались этим выражением. И отец тоже, возвратясь с дальней охоты на птиц, иногда мимоходом упоминал о том, что провел ночь у сосны. А теперь это испытает и он, Антери. После этого он станет таежником не хуже других,

думалось ему. И Сепи тоже будет свидетелем этого события, Сепи, дошлая по части всех таежных дел. Ей тоже довелось проводить ночь у сосны — семь раз, когда с бабушкой, когда с отцом. Иной раз даже зависть брала... Быть может, после этой охоты Сепи будет относиться к нему серьезнее, как к другим мужчинам, и не будет лишь стремиться играть с ним, как было доньше...

Они ехали два часа или около того и достигли деревни под названием Вубтсо. Здесь они свернули с шоссе направо и более часа ехали по лесной автомобильной дороге на восток. По мере того как они продвигались вперед, отец выкрикивал сидящему сзади Антери названия урочищ и рек: Овипульюнмаа, Риэстойёки, Кйимасёлкя. Въехали на территорию заповедника Сомпио, миновали верховья реки Нэлинёки, и по левую руку остались сопки Нэттастунтурит. В это же время справа сверкнуло между елями знаменитое озеро Сомпиоярви, около пяти километров в длину и почти столько же в ширину, которое прежде имело на карте вид почти правильного круга. Теперь это прославленное озеро уже не было самим собой. Оно утратило свойственную ему особую форму, слившись на юге с созданным людьми водохранилищем. Оно перестало существовать. Его своеобразная форма сохранилась только на старых картах, а его название упоминается только в старинных книгах, описывающих Лапландию.

Проехали еще два ручья и оказались на обширном Ровасёлкя-кряже, поросшем по окраинам островерхими лапландскими елями, а выше — соснами. Среди живых деревьев тут было множество высохших, серых снаружи, но красивого красного цвета изнутри. Это были засохшие на корню сосны, старики возрастом в сотни лет, и Антери знал, что именно эти деревья имеет в виду таежник, говоря о месте, где он провел ночь у сосны. Костер, искусно сделанный из стволов красной лапландской сосны, горит долго и ровно, и его тепло — как раз то, что надо человеку, желающему заснуть в укрытии... Сосны есть, но существовать им уже недолго... У дороги, огибающей Роваселкя, стоят длинные, на десятки метров, и высотой в два-три метра штабеля двух или трех-

метровых сосновых бревен, ожидающих отправки на бумажную фабрику. Сосновые бревна используются также как строительный материал.

Ну, а после того, как будет спилена последняя сосна? Где провести таежнику ночь? Обеспечит ли прогресс новые возможности взамен утраченных природных, так что таежник сможет принести нужное ему ночью тепло в своем рюкзаке на то место, где застигнет его ночь и усталость? Будут ли тогда вообще таежники?

Быть может, думалось Антери, наступили последние мгновения, когда можно быть таежником, охотником, бродить в междуречьях и, в особенности, ночевать у сосны...

Мопед пришлось оставить у восточных склонов Роваселкя, так как дорога кончилась. Сепи соскочила на землю и тотчас побежала по своим делам. Отец и сын повесили рюкзаки на сук дерева, и отец расчехлил ружье, имевшее два ствола: для стрельбы дробью и стрельбы пулей. Отсюда предстояло идти пешком.

Но не успели они ступить и шагу по болоту, за которым возвышался небольшой холм под названием Суóбитсинво́са — первая цель путешествия,— как Сепи лаем возвестила о том, что нашла дичь.

— Тетерка,— сказал отец, послушав с минуту.— Я пойду подстрелю ее и вернусь обратно, а ты можешь оставаться на месте... Заодно возьму Сепи на поводок. Если в этом большом лесу есть дичь — а она здесь, похоже, есть,— нынче вечером мы дальше его не уйдем. Сепи будет облаивать птиц до темноты и не успокоится, прежде чем мы не подстрелим найденную добычу. Мы идем пешком и только зря будем нести дополнительный груз. Ну, а ту тетерку, которую Сепи сейчас облаивает, мы можем приготовить себе на ужин.

Антери задумался, действительно ли отец сумеет хорошо приготовить тетерку, и решил, что сомневаться в этом не приходится. Конечно, отец сумеет управиться с ней, на это не требуется ни матери, ни какой-либо другой женщины. Ведь и дедушке никто не готовит еду, он прекрасно обходится сам... И впрямь, что бы делал таежник в своих долгих

странствиях, если бы не умел готовить себе пищу? Антери решил про себя, что и он должен научиться готовить, по крайней мере то, что необходимо для охотника.

Раздался выстрел из дробового ствола — Антери уже научился различать, когда отец стрелял пулей, а когда дробью, — и вскоре отец вернулся большими шагами с тетеркой, ведя Сепи на поводке. Он быстро выпотрошил птицу, дал собаке награду, повесил птицу проветриваться поверх рюкзака, и скоро они уже широко шагали по болотным кочкам или делали извилистые обходы по «жилам» болота — сплошным рядам кочек, направляясь к маячившему в двух километрах впереди Суоритсинвоса...

И здесь, в преодолении лапландского болота, были свои хитрости. Негоже было дрызгать по болоту как попало. Если попадалась вода, пройти через нее можно было лишь определенными путями. И эти пути надо было искать, так как обойти болото по окраинам было совершенно невозможно. Болота были почти всегда связаны друг с другом, и если человек рассчитывал идти только по сухим местам, ему, вероятно, вовек не удалось бы осуществить свой замысел. Он мог бы шагать по сухой окраине до конца своих дней, и перед ним всегда было бы болото.

Но преодолеть болото было возможно, если найти обход: непрерывно тянувшийся через болото ряд кочек — «жилу» болота.

Но как напасть на нее?

Когда опытный ходок по междуречьям, таежный странник, приближается к болоту, он загодя присматривается к нему, памятуя о том, что его надо преодолеть. Со склона высокой горки он может увидеть раскинувшееся внизу болото, словно на карте, на которой ясно начертаны как обрывающиеся, так и тянущиеся непрерывно обходы. В таком случае он может начать переход прямо с тянущегося всплошную обхода.

Но такой предварительный осмотр болота возможен не всегда. А болото тем не менее надо пересечь, надо суметь найти мостик из кочек, который не заводил бы в тупик.

Как это сделать?

Антери, подобно всем людям, родившимся и выросшим в Лапландии или вообще много ходившим по тайге, знал решение этой загадки. И это было очень простое решение. Такое естественное и простое, что он даже не обращал на это особого внимания: путника проводили через болото северные олени...

Разумеется, олени не дожидались на окраинах болот всех таежников, чтобы служить им проводниками. Представив себе подобную ситуацию, Антери только улыбнулся бы про себя. Но олени сами переходили через болото из одного лесного массива в другой. Обитатели тайги, они имели достаточно времени отыскать верный, тянущийся непрерывно обход, надежно ведущую к цели тропу, и, после того как она была найдена, они пользовались ею всем стадом. При таких переходах олени оставляли следы на мягком мхе. От хождения через болото туда и обратно по одному и тому же обходу образовалась прямо-таки дорога — оленья тропа, и ее легко можно было найти.

Если на сухой и твердой земле оленьи тропы были надежны, многократно разветвлялись и направляли по ложному пути, то — Антери подметил это, несмотря на свой юный возраст, — при переходе через болото они были надежны и приводили к цели.

На болоте Калтио, куда Антери ходил на лыжах февральским вечером, было полно примет, свидетельствовавших о присутствии северных оленей, — сделанных оленями в снегу ямы и разрытых мест. Они появились в результате того, что олени искали себе под снегом пищу — ягель.

Ямы в снегу были с затвердевшими краями и, следовательно, сделаны несколько дней тому назад, решил Антери. Стадо оленей кормилось здесь, а потом перешло на другое место. Не было видно ни одного животного.

Перейти через болото вместе с отцом в ту осень было делом нехитрым и вообще пустяком, так как болото между Роваселкя и Суоритсинвоса было довольно сухим. Отец прочел на карте его название — Хейнелмяаапа, — хотя он наверняка знал названия всех мест в здешних краях наизусть. Во всяком случае, по карте было видно, что пересекаемое ими болото было своего рода водоразделом, так как боковые притоки реки Кóпсусйóки приходились своими верховьями именно на болото Хейнелмяаапа и текли на юг. Зато одно ответвление реки Нáттусйóки, также являвшейся притоком Копсусйóки, текло на север, огибало холм Суоритсинвоса, а затем вместе с главной рекой поворачивало на северо-восток и в конце концов на восток.

— Эти болота изменятся, — говорил отец. — Поверхность искусственного озера Локка еще не поднялась до своей высшей отметки. Когда это произойдет, это болото вряд ли можно будет пересечь в летнюю пору. Могут быть и другие, как хорошие, так и дурные, последствия, которые нельзя предугадать. Сейчас еще слишком рано радоваться или печалиться. Только время покажет, как все обернется.

Они пришли на холм Суоритсинвоса ночевать у сосны... И здесь, судя по следам, некоторое время тому назад вырубали лес, но тогда высохшие стволы еще не годились для деревоперерабатывающих заводов, и множество их осталось. Легко было найти для ночного костра дерево подходящей толщины со здоровой древесиной — сосну, стоящую на подходящем месте.

Но что такое подходящее место? Отец объяснял, а сын слушал:

— Не всякая сосна годится для костра, и не всякое место годится для ночлега. Хорошая сосна для костра должна быть достаточно толстой, чтобы ее хватило на всю долгую ночь до утра. К тому же она должна быть со здоровой древесиной и, на худой конец, без сучков на комлевой части. Суковатое бревно для щелевого костра — из двух брев-

вен, уложенных параллельно,— не горит ровно: места с суками горят медленнее и зазор между бревнами не остается равной ширины по всей длине. Так получается, что и огонь в зазоре не остается сплошным, он гаснет — на стоянке становится знобко и холодно, спящие просыпаются. Хорошее место для ночлега опять-таки сухое и ровное, и чтобы вокруг был лес для защиты от ветра, ели, чтобы устлать место для сна хвойными ветками, и чистая вода поблизости. Если вдобавок к этому на таком месте есть подходящая для костра сосна, таежник или иной ночующий в тайге человек может только радоваться...

Отец достал из рюкзака топор и снял с него чехол. Затем расстегнул пряжку и вытащил из ремня полотно лучковой пилы.

Позднее дома Антери внимательно рассмотрел пояс отца, таежный пояс, который отец надевал только на время дальних охотничьих вылазок. Пояс был полый внутри. Это были как бы два отдельных широких пояса, сшитых краями, так что тонкое и гибкое полотно пилы помещалось между ними, как в ножнах. Это было искусное изобретение, и Антери подивился его целесообразности. В любом другом месте острые зубцы пилы были бы неудобством, но внутри таежного пояса они никого не могли поранить или что-нибудь разорвать, а сам пояс все равно служил свою службу.

Вытащив пилу, отец достал из тайников рюкзака металлические кольца и закрепил их в отверстиях на концах полотна пилы. Затем он срубил топором свежий еловый сук, уже немного изогнутый. Он очистил его от лишних веток и подрубил его по длине пилы. Один его конец он вставил в кольцо на одном конце полотна пилы и изогнул его так, что другой конец пришелся в кольцо на другом конце полотна,— получилась красивая, готовая к применению лучковая пила.

— Для дуги годится и свежая береза,— сказал отец.— Если нельзя достать подходящего елового сука... Но скажу еще кое-что о месте для ночлега: есть много обстоятельств, про которые следует помнить при его выборе. Но главные — это

два: близость воды и подходящая сосна. И из этих двух наличие сосны важнее близости воды. Воды можно принести изда- лека, а нужные для щелевого костра толстые стволы трудно оттащить далеко от того места, где стояло дерево. Иначе гово- ря, сосна определяет место, где ночует таежник...

Они стали на колени у выбранной отцом сосны и ухватились за пилу — Антери с одного конца, отец с другого. Вместе они принялись перепиливать дерево. Острые зубцы пилы хорошо вгрызались в древесину, от красноватых опилок исходил слад- кий запах смолы, и в этом было что-то торжественное. Октябре- ское солнце пламенело красным закатом за синеющей вдали грядой сопок кряжа Сääрисёлкя.

Спиливая сосну, они время от времени отдыхали. Отец, конечно, мог бы пилить не переставая, но он принаравливался

к возрасту и силам своего сына. И это было необходимо, потому что свалить довольно толстую, в сажень в обхвате, сосну с плотной древесиной было не так легко. В передышках отец подрубал топором дерево со стороны, противоположной надпилу.

Затем они снова присаживались возле сосны, и острая пила вновь врезалась в ее ароматную древесину. Когда надпил и зарубка сошлись довольно близко, пилу отняли и отец велел Антери отойти подальше, чтобы дерево при падении не зашибло его. Небольшой толчок — и сосна начала медленно крениться. Скорость наклона все возрастала, и вот она с треском упала на землю. В ясном вечернем воздухе звук падения пронесся над болотом Хейнелмяапа до края Роваселкя и эхом возвратился обратно.

Они отпилили от упавшего ствола два бревна примерно в четыре метра длиной. Отец откатил их на то место, где решил устроить ночлег. Затем принялся обтесывать их, иначе говоря, остругивать и зачищать их поверхность, чтобы огонь хорошо занимался; при окончательном устройстве костра отесанные бока должны были прийти друг против друга.

Во время одной из передышек он высмотрел поблизости смолистый пенек, настругал с него смолистых щепок, сломал и очистил от веток свежую березовую жердь и сказал:

— Разведи здесь костер, сын. Потом достань из своего рюкзака котелок и кофейник и набери в них воды; там, на ближней окраине болота, наверняка найдется место, где можно взять воды. Потом повесь котелок на жердь над огнем, возьми тетерку, сними с нее кожу и разрежь ее на куски. Промоешь куски мяса и принесешь их обратно... Сварим сперва суп с дичью, а потом кофе, если захочется.

Хлопот было достаточно. Таежники занялись каждый своим делом. Отец колол бревна для костра, вытесывал для брезентового укрытия шесты и клинья, носил еловые ветки, чтобы было на чем спать, колол чурбаки для разжигания костра и вообще делал все, что относилось к устройству ночлега. Антери занимался тем, что было ему поручено.

Как снимать с птицы кожу и разрезать тушку на куски, он

много раз видел дома. Обычно это делал отец, но в случае необходимости с этим прекрасно справлялась и мать. Теперь это предстояло сделать ему самому, без посторонней помощи...

Он справился с этим. Правда, на это потребовалось время и обдумывание, но он справился. У него был собственный нож, который купил ему отец и для этого случая специально заточил, и теперь нож мог служить орудием при исполнении этого почетного задания.

Сперва отрезать голову. Потом хвост. Потом ноги...

Сперва все это казалось затруднительным, почти невозможным, но он пытался вновь и вновь, и, когда обнаружил, что шея сгибается лучше всего на границе позвонков, ноги в суставах, а хвост в том месте, где не мешают ости перьев, все пошло как по маслу. В конце концов разрезание птицы на куски не составило труда, после того как он снял кожу с перьями. Теперь Антери•понял, почему мать и в особенности отец разделявали птицу так легко. Они знали строение ее тела вплоть до каждого позвонка, до каждого сустава и пера. Не надо было применять силу, не было нужды ломать ни одной-единственной косточки, и все-таки можно было разнять птицу на столько частей, сколько было необходимо... Птицу можно было приготовить и целиком, так, что ошипывались только перья, а кожа оставалась. Но это была уже другая история, и делалось это по большей части в домашних условиях. Сейчас отец велел разрезать птицу на куски, и Антери сделал это.

Он тщательно промыл куски в прозрачной холодной воде болотного источника, положил их в пластиковый мешочек и принес к месту стоянки. Вода в котелке, висевшем на березовой жерди, начала закипать.

— Я разрезал тетерку на части и промыл, вода скоро закипит,— доложил Антери.— Что будем делать теперь?

Отец подошел к костру. Он по одному доставал из мешочка куски мяса и внимательно осматривал каждый в отдельности. Он увидел, что дело сделано хорошо, и подметил, что сын смекнул, как к нему подступаться. Но он ничего не сказал, а только посмотрел на Антери долгим взглядом, и его лицо озарилось доброй улыбкой.

— Положим их вариться в котелок — вот что мы сделаем, — сказал он. — Брось в воду щепотку соли и перцу. Ты найдешь их в моем рюкзаке. Потом следи, чтобы вода не переливалась через край. Поддерживай под котелком ровный огонь.

Немного погодя он крикнул, стоя у защитного брезента-шатра, который был уже воздвигнут:

— Мясо будет вариться долго, котелок можно оставить без присмотра. Иди сюда, немного поможешь мне. Уложи вот эти хвойные ветки рядами... Сперва заполнишь ветками поглубже ямы на месте для спанья и выровняешь другие неровности, а уж потом будешь настилать ветки по-настоящему. Начинай отсюда, от защитного дерева. Вот так...

Антери сообразил, что защитным деревом был принесенный в качестве прикрытия сырой березовый ствол, тянувшийся от конца до конца брезента.

— А для чего это? — спросил Антери.

Отец объяснил:

— Видишь ли, когда мы разожжем костер и он будет гореть всю ночь, он согреет и высушит траву, мох, ягель и хворост между огнем и нашим местом для спанья, так что в конце концов вся поверхность земли станет совершенно сухой. От костра, конечно, будут сыпаться искры, и от них может загореться весь этот высохший мусор. Огонь пойдет к нашему месту для спанья, и если бы впереди не было препятствия в виде сырого бревна — защитного дерева, он мог бы охватить хвойные ветки, на которых мы лежим, и не успели бы мы проснуться, как у нас уже, возможно, были бы ожоги на ногах. Ведь мы будем спать крепким, глубоким сном. Может статься, в эту первую ночь тебе будет непривычно, и ты, возможно, будешь время от времени просыпаться. Но на следующую ночь и вообще после того, как ты приобвыкнешь спать на открытом воздухе, твой сон на хвое станет глубоким и освежающим. Он спокойнее и здоровее, чем дома в постели... При этом предполагается, что ты хорошо потрудишься над устройством костра и всей стоянки вообще. При плохом, еле горящем костре, наоборот, человек скорее устает, чем набирается сил. Обычно легко-воспламеняющийся хворост, мох и прочий лесной мусор между

костром и местом для спанья удаляют,— продолжал отец.— Как видишь, и я сейчас так сделал. Но на земле всегда остаются корни деревьев, хвойные иголки или иной горючий материал, поэтому без защитного дерева не обойтись. Никакого пожара, может быть, и не возникнет, но, во всяком случае, мысль о том, что он может возникнуть, не будет мешать нашему сну. Заградительное дерево — гарантия нашей безопасности в отношении огня... А теперь о хвойных ветках. В такую погоду без дождя, в пору, когда нет снега, застлать место для сна хвойными ветками пара пустяков. То, как ты проведешь ночь, в значительной мере зависит от того, сколько труда ты отдашь устройству стоянки. Чем заботливее уложены хвойные ветки, тем мягче на них спать. Когда-нибудь я научу тебя, что делать зимой, когда все хвойные ветки покрыты снегом...

Все ели на болоте Калтио стояли нагруженные обильным снегом. Лапландские ели и летом своеобразно узки — ведь Антери никогда не видел иных,— а сейчас, зимой, они казались тем более узкими, словно свечи. Оснеженный еловый лес выглядел торжественным местом.

Антери выехал на окраину болота. Перед ним открылось лапландское болотце, по большей части без деревьев, поросшее лишь редкими чахлыми соснами. Он догадался, что это болото Калтио. Отсюда следовало повернуть обратно. Пора было, так как короткий февральский день уже кончался.

Он все же проехал еще несколько десятков метров в сторону болота и посмотрел направо и налево. Он постарался приметить и запомнить, как выглядит пограничная линия между лесом и болотом,— может статься, это знание ему когда-нибудь пригодится. Он посмотрел также на болото и за болото. Тут мог быть какой-нибудь островок среди болота или другая особенность местности, по которой можно было бы ориентироваться, когда в этом явилась бы необходимость... Отец часто говорил, что по тайге надо ходить с открытыми глазами.

Но пространство болота Калтио не было похоже на тайгу. Здесь виднелся всего лишь один лесистый мысок над простран-

ством бесчисленных лапландских болотеч. Основание этого мыска упиралось в реку Кйтинен — один из трех самых крупных притоков большой реки Кёмийоки. Автострада № 4 — магистральная дорога, проходящая через Финляндию, — также пересекала основание болота Калтио, но больше этот лесной мысок ничем похвастаться не мог. Несколько жалких домишек на береговом обрыве, немногочисленные поля вокруг — вот и все. Довольно далеко сопки, не видимые за лесами и болотами.

Антери развернулся в сторону дома. Он направился прочь от болота и въехал в лес. Проехав рядом мимо одной разлапистой ели, он остановился. Ему послышался какой-то необычный звук.

Он отвернул уши шапки и остановился, прислушиваясь. Звук раздался опять, он шел из-под оснеженных нижних ветвей ели. Он не мог быть рожден ветром, так как было тихо. Его издавало какое-то живое существо, животное...

Что это могло быть?

У Антери мелькнула мысль: медведь? Но он тут же вспомнил, что медведи в это время года спят. Лесные птицы тоже не могли издавать этот звук — Антери знал их голоса.

Тогда лиса? Но лиса слишком боязливое животное, она не осталась бы под елью, когда человек проезжал мимо. Но может быть, она отведала отравленной приманки или попала в капкан?

Антери объехал вокруг ели, ища на снегу какие-нибудь следы. Здесь проходили северные олени, но следы уже припорошило снегом, они были несвежие. Антери вспомнил, что два дня назад, ночью, шел снег: эти оленьи следы по меньшей мере двухдневной давности. А более свежих следов не было.

Кто издавал этот звук и что следовало делать? Начало уже по-настоящему смеркаться, и он ничего не видел во тьме под оснеженными еловыми ветвями. Звук был жалобный и адресовался к мальчику. Ясное дело, кто-то попал в беду. Если это была лисица, отведавшая яда или угодившая в капкан, ее следовало прикончить. Но лисица может кусаться, у нее острые зубы, Антери, сын охотника, знал это.

Он решил попробовать потыкать лыжной палкой. Сперва он, как мог, сбросил с нижних ветвей ели снег, а потом ткнул палкой в темноту. Она попала во что-то мягкое, и никто не схватил ее зубами. Антери осмелился подойти поближе.

Он взялся за кончик еловой ветви и отвел ее в сторону. Заледеневшая ветка с треском сломалась. Он проделал то же самое с двумя другими ветками и расширил отверстие. Теперь он увидел. Под елью лежало какое-то животное размерами явно больше лисицы. Это был олень, олененок!

Глава пятая

Антери соскочил с лыж и по колено в снегу прошел короткое расстояние, разделявшее его и его находку. Под елью снегу было меньше. Ее густые нижние ветки всю зиму служили хорошим укрытием от снега, так что вокруг ствола образовалось порядочное углубление. И там был олень...

Что он там делал? Почему он не бродил вместе со стадом? Как он к нему отнесется?

Антери протянул руку к голове оленя и похлопал ее. Он был готов в любую секунду отдернуть руку, если бы олень испугался и вскочил. Но олень не сделал этого. Он лишь, по-видимому с большим трудом, приподнял голову и замычал едва слышно. Когда Антери рукой в варежке коснулся морды оленя, тот попытался взять варежку в рот. Затем его голова бессильно поникла.

Антери все понял. Он слышал, что олени умирают от голода. Как-то летом он своими глазами видел мертвого оленя, показавшегося из-под стаявшего снега. «Урожай прошедшей зимы», — сказали тогда взрослые. И в эту зиму говорили, что положение оленей внушает тревогу. Перед ним была жертва глубокого снега, недостатка ягеля и сурового мороза. Она была еще жива, хотя и ослабела. Ее ли бояться?

Антери задумался. Что делать? Забрать олененка домой было невозможно, он бы не смог донести его. Если бы он приехал домой один, взял какой-нибудь пищи и вернулся об-

ратно, олененок тем временем мог бы умереть. Кроме того, что он мог ему дать есть? Оленеводы говорили, что изголодавшегося оленя надо кормить умело и осторожно, чтобы он не умер от расстройства пищеварения.

Конечно, Антери знал, что ест олень. Но он наверняка не найдет ягеля под глубоким снегом, раз его не нашел олень, а к тому же наступала темнота. Еще олени охотно ели бородастый лишай, растущий на хвойных деревьях, они тянулись за ним так высоко, как только могли достать. Итак, лишай естественная пища, не грозящая оленю расстройством пищеварения, решил Антери. Его-то и следует достать выбившемуся из сил животному, и достать немедленно.

Антери, конечно, знал, где искать лишай. Он рос на чахлах соснах и елях на болоте; Антери только что видел такие деревья на окраине болота... Он вылез из углубления под елью, встал на лыжи и еще раз развернулся в обратную сторону. В мгновение ока он снова был на окраине болота, и, хотя уже начало заметно смеркаться, он на фоне красного закатного неба мог различить выступающие на стволах деревьев наружу или свисающие с ветвей пряди лишая.

Он сбил их лыжной палкой на снег, расстегнул верхние пуговицы своей куртки и запихнул добычу между шерстяным свитером и курткой. Затем подъехал ко второму дереву, к третьему, утолщаясь по мере того, как накапливался запас лишая. Затем он возвратился назад, соскочил с лыж и заполз под ель к оленю.

Там было почти совсем темно, но он хлопотал на ощупь, как только мог. Он расстегнул все пуговицы куртки и вывалил принесенный им лишай на землю. Затем он собрал мягкий лишай в пучок и поднес его прямо к морде оленя. Своими чуткими губами животное схватило лишай, стало тихо жевать, и Антери понял, что его подношение принято и отправилось туда, куда нужно.

Он кормил оленя голыми руками, и его пальцы стали мерзнуть. В просветы между еловыми ветками он видел, что красный свет вечера погас и наступила ночь. На небе зажглись звезды, мороз крепчал.

— Больше я ничего не могу для тебя сделать,— сказал Антери и похлопал оленя по голове.— Тут еще осталось сколько-то лишая. Ночь тебе придется перебиться одному. Мне надо возвращаться домой, но завтра утром, перед тем как идти в школу, я приду посмотреть, как ты себя чувствуешь. Доброй ночи.

Антери прикрыл сломанными ветками проход, ведущий под ель. Он подумал сперва, что они, может быть, немного защитят оленя от холода, но потом понял, что это невозможно: мороз будет такой же крепкий под этой елью, как и повсюду на болоте. Но ветки все же укрывали слабое животное от бродящих по лесу зверей — пожирателей падали, которые наверняка подстерегали случай полакомиться мясом мертвого или умирающего оленя. Оно годилось в пищу и лисицам, и куницам, и ласкам. А если бы то, что было под елью, учуяли вороны, они прилетели бы уже на рассвете и приступили к пиршеству, еще когда олень был бы только в агонии. Антери слышал много рассказов о том, как свирепы могут быть эти черные птицы,— и все же они тоже необходимы, они поддерживают в природе чистоту...

Возвращение в деревню казалось Антери одновременно и веселым и грустным, и легким и трудным. Приятно было сознавать, что скоро он опять будет дома, что путешествие по ночному лесу скоро закончится. Через малое время он сможет поставить свои лыжи к стене и войти в освещенную комнату. Темнота и трескучий мороз останутся за стенами дома. Но все тяжелее становилось на сердце, по мере того как удлинялось расстояние до оленя, беспомощно лежавшего под елью на краю болота. Тревога о том, как бедное животное переживет морозную ночь, нарушало строй мыслей Антери, в голову невольно лезли неприятные мысли о самой худшей возможности. Но несмотря на это он чувствовал, что ни за что на свете не отдаст бы всего того, что он испытал в этот вечер. Сам не отдавая себе в этом отчета, мальчик готовился к роли взрослого и внутренне созревал для того, чтобы встретить, возможно, еще более суровые испытания, чем те, которые были у оленя самыми худшими.

Мать спросила, почему он задержался, и Антери ответил, что катался на лыжах. Он сказал также, что хотел поближе познакомиться с новыми для него окрестностями. Об олене, лежащем под елью на окраине болота, он не обмолвился ни словом.

— А что это за сор у тебя на свитере? — осведомилась зоркая мать.

— Пристал лишай,— ответил Антери.

— Зачем он тебе?

— Мне незачем. Лишай едят северные олени,— объяснил Антери...

Это было близко к истине. Мать испытующе посмотрела на Антери, но выпрашивать больше не стала. «Так лучше,— решил Антери.— Если олень умрет, матери совсем нет необходимости знать об этом. Или кому другому. У матери свои заботы. Она вспоминает наш прежний дом, я знаю, ей здесь нехорошо. Мне и отцу тоже. Но мы об этом не разговариваем... Зато если олень выживет, я расскажу об этом. Расскажу все, что я сделал в этот вечер. О добром деле можно не стесняясь рассказать кому угодно, а отцу и матери в особенности. И еще, конечно, дедушке... Если б дедушка был с нами, я, может быть, рассказал бы ему об олене уже нынче вечером. Дедушке хорошо рассказывать о чем угодно, потому что он никогда не выпрашивает. Он дает каждому самому решать, что и когда рассказывать...»

Антери сделал уроки и вовремя лег спать. Он должен встать утром пораньше, если хочет пойти проведать своего подопечного перед школой. Он, конечно, успеет, если не случится ничего особенного. Занятия в школе начинаются в девять, а у них дома просыпаются раньше семи, потому что отцу нужно идти на работу. Ему будет затруднительно объяснить свой ранний уход из дома. Может, сказать, что он едет кататься на лыжах с горок?.. К болоту Калтио проложена лыжня, за ночь она несколько затвердеет. Если взять собственные лыжи, поездка пройдет скорее. Только б ночью не выпал снег...

Сон не приходил. Хотя глаза были закрыты, они видели зябнувшего под оснеженной елью оленя. Антери попытался

представить себе, как бы олень выглядел, если бы двигался. Это удалось ему лишь отчасти, он увидел, как олень нашаривает остатки лишая, берет их в рот и спустя некоторое время прожевывает.

Это была хорошая картина, и он уже начал засыпать. Сон окончательно овладел им, когда ему удалось оставить оленя жевать свою жвачку и обратиться мыслями к осенней охотничьей вылазке, воспоминание о которой прервалось на середине. Он лишь успел вспомнить, как поджигал чурки между бревнами и черту ровно горящего пламени костра, мягкое укрытое хвойное ложе и сладкий пахучий дым горящей сосны. Образы его воспоминания были так отчетливы и ясны, что он слышал шум деревьев на слабом ветру и поскуливание собаки Сепи в ее собственном укрытии под ближайшей елью с другой стороны костра. В два счета Сепи превратилась в оленя, и ему было хорошо и тепло. Это было такое забавное превращение, что хоть смейся.

Будничная серьезность сменилась на лице Антери улыбкой. Отец и мать увидели ее. Они взглянули друг другу в глаза, а затем вернулись к своим вечерним занятиям: мать продолжала вязать, а отец просматривать газету. Вскоре и они погасят газовый фонарь — самое обычное средство освещения в здешних краях.

Глава шестая

Антери проснулся оттого, что открылась дверь и в дом вошел отец.

— Мороз отпустил. Чуть ли не оттепель,— сказал он.

Антери тотчас вспомнил про оленя, который на грани голодной смерти провел ночь в лесу. Конечно, в этом смысле хорошо, что потеплело. Теперь только б исхитриться провести оленя. Антери выскочил из кровати и стал одеваться. Одновременно он раздумывал, не следует ли все-таки рассказать о его вчерашнем приключении. Наверное, отец знает кое-что об оленях и может дать совет, хотя у них самих оленей нет.

— Отец,— сказал Антери.

— Что, Антери?

— Вчера вечером я нашел на болоте Калтио сильно изголодавшегося северного оленя. Он лежал под елью и не мог больше сам добывать себе пищу. Я набрал ему лишая, и он поел немного...

— Ага, значит, вот откуда те обрывки лишая на твоём свитере! — вмешалась в разговор мать.

— Отец, что надо сделать для этого бедняги, чтобы сохранить ему жизнь? Ведь он еще дышит.

— Гм...— Отец задумался.— Северный олень, говоришь? Но ведь ухаживать за оленями должны скорее оленеводы, чем школьники, не так ли?

— Я уверен, никто ничего не знает об этом олене,— сказал Антери.

— Ну так расскажи о нем кому-нибудь. Я, право, не знаю, как надо обходиться с таким животным, но скажу тебе, кто знает. Ты слышал о Матти-Олене? Он живет тут поблизости. Он старый человек и не ходит больше в оленье леса, но он весь свой век провел с оленями. Спроси у него.

— Я думаю перед школой пойти на лыжах проведать этого оленя,— сказал Антери.

— Вот как! — удивился отец.— Видать, ты и впрямь заинтересовался им. Уж не выйдет ли из тебя оленевод, когда ты вырастешь! Но я могу дать тебе в этом деле верный совет, вот он: сходи к Матти-Оленю. Расскажи ему все, что знаешь об олене. Тогда Матти наверняка отправится посмотреть его, и уж он-то знает, что делать. Иди в школу и только после школы сбегай на лыжах посмотреть свою находку.

Совет отца казался дельным. Антери снял с гвоздя шапку и взял рукавицы.

— Я отправлюсь к Матти-Оленю. Я знаю, где он живет и кто он такой.

— Ну-ну,— сказала мать.— К чему так спешить? Ты еще не позавтракал. Не поевши, и оленевод долго не продержится...

Матти-Олень уже встал — еще бы, ведь час был уже не

ранний. Антери сказал «Доброе утро» и сразу же приступил к делу. Единым духом он рассказал о своем вчерашнем путешествии к болоту Калтио, о своей находке, о том, что он предпринял, и, наконец, о том, что отец посоветовал ему обратиться к Матти-Оленю. Услышав об изголодавшемся олене, Матти поднялся и принялся хлопотать в своем маленьком жилище. Он открыл шкаф, вышел в сени, взял из-под скамьи топор и прочее, так что Антери уже начал терять терпение, полагая, что Матти-Олень вовсе не слушал его.

— Ну, так я отправляюсь сейчас к оленю,— наконец резко сказал Антери.— До свидания!

— Все успеется, все успеется,— сказал Матти.— Спешить некуда. Я сейчас буду готов, вот только положу в рюкзак свои пожитки. Если ты еще примерно скажешь, в каком месте болота лежит олень, все будет хорошо. Если в нем еще есть искра жизни, я выхожу его... А тебе лучше идти в школу, как сказал твой отец.

— Так вы, значит, слышали, что я рассказывал? — удивился Антери.

— Все до единого слова. Но ты не сказал самого важного — где находится олень.

Антери описал место и сказал, что он ездил туда на лыжах и что на болоте Калтио нет другой лыжни.

— Ясно,— сказал Матти-Олень.— Ты еще успеешь показать мне начало твоей лыжни, а потом марш в школу.

— А что вы будете делать топором? — с беспокойством спросил Антери.

— Хо, топор всегда нужен, когда идешь в лес. Не беспокойся больше за оленя, мальчик, думай только об учении, когда пойдешь в школу. Уж конечно, Матти-Олень знает, что делать... И еще вот что: давай отбросим всякие церемонии между нами, оленеводами. Будем просто называть друг друга на «ты», как заведено у нас в Лапландии.

Антери провел Матти-Оленя к началу своей вчерашней лыжни. Старый оленевод похлопал его по плечу и заскользил на лыжах к оснеженному лесу. На ногах у него были нүтукасы — сшитая из оленьей кожи лапландская обувь с загнутыми

носами, а его щиколотки и икры оплетали светлые шнурки. Лыжи у него были длинные, таежные, такие же, как у отца, с креплением из кожаных ремней. Из рюкзака торчало топориче. Шаг его был медленный, но лыжи, казалось, сами скользили вперед. Кисточки шнурков качались у его икр...

В школе у Антери сегодня было только четыре урока. День тянулся медленно, но все-таки подошел к концу. Как только учитель разрешил ученикам отправляться по домам и распрощался с ними, Антери выскочил из школы, встал на лыжи и развернулся в уже известном направлении, к болоту Калтио. Он даже не успел занести домой ранец. Книге для чтения и задачнику было разрешено последовать вместе со своим владельцем к тому месту, где он нашел оленя.

Уже издали Антери почуял запах дыма, и когда он, запыхавшийся и разгоряченный, примчался на место, то увидел веселый костер на краю болота. На подставке над огнем была жердь, а на ее конце висел закопченный котелок, такой же черный, как таежный кофейник и котелок его отца. Матти-Олень невозмутимо сидел на хвойных ветках, которые он наложил поблизости от костра.

Антери устремил взгляд под знакомую ель. Из отверстия среди нижних ветвей высывалась голова оленя. Его челюсти двигались, и мягкий пучок лишая отправлялся туда, куда следовало.

— А, вот ты и пришел...— произнес Матти-Олень. По его морщинистому лицу было видно, что он в хорошем настроении.— Олень и вправду был на волосок от смерти. Если бы ты не нашел его, он в эту минуту был бы уже мертв.

— Что для него пришлось сделать?— спросил Антери.

— Ничего особенного. Самое обычное,— медленно сказал Матти-Олень.— Вскипятит воды с сахаром и заставил его выпить ее. А еще его надо было немножко растереть и согреть... Снимай лыжи, поешь чего-нибудь.

— Я ел в школе,— сказал Антери.

— Ох-хо-хо, там, наверное, была каша... А у меня отменные бутерброды и добрый кофе, чтобы запить кусок. Можешь пить из моей деревянной чашки, если годится.

— Годится. У меня у самого есть кукса. Дедушка сделал,— сказал Антери.— Только я не захватил ее с собой.

— Конечно, ведь в школе она не нужна. Только таежники пьют из деревянных чашек... В школе человек просвещается, а просвещенные, поди, смеются над куксами. Только пить-то лучше всего из деревянной чашки. О ее край не обжигает губы, как у других чашек, да и кофе в ней долго не остывает, даже зимой,— рассуждал Матти-Олень.— Я, впрочем, знаю твоего дедушку. Встречались с ним несколько раз, когда были моложе. Как он поживает?

Антери снял лыжи и посмотрел под ель. Олень выглядел явно бодрее, чем вчера вечером. Рядом с ним была порядочная куча лишая, который, надо полагать, наносил Матти-Олень. Под ним была подстилка из еловых веток, на ней пустой мешок. Матти-Оленю пришлось изрядно похлопотать над животным. Судя по следам, Матти-Олень отнес его к костру, где олень обтаял и обогрелся, а потом водворил обратно под ель на хвойную подстилку.

— Ну, как он тебе показался? — крикнул старый оленевод Антери.— Ничего?

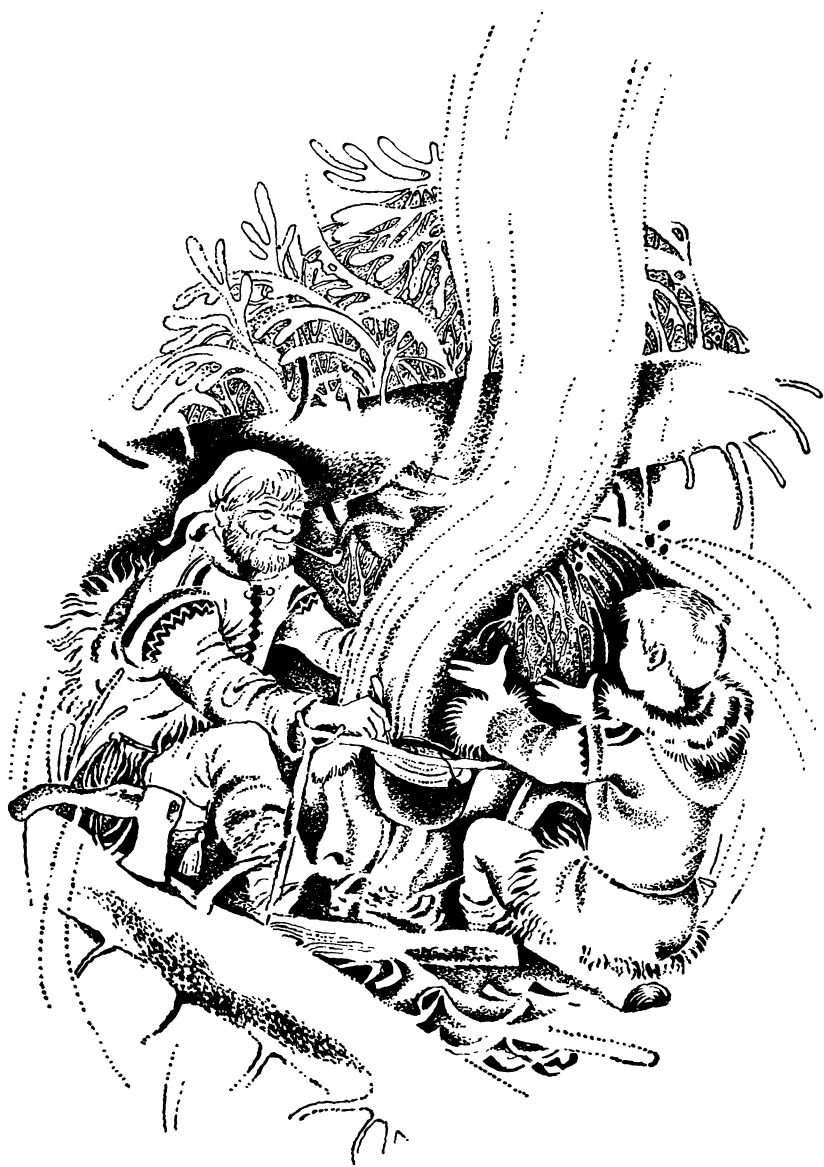
Антери вернулся к костру, и Матти-Олень освободил ему место на хвойных ветках. Антери взял бутерброд и куксу с дымящимся кофе.

— Конечно, теперь он наверняка выживет,— сказал Антери.— А зачем его надо было поить водой с сахаром?

— Видишь ли, он очень ослаб. Его кишечник высох и все такое прочее, что бывает при длительном голодании. К тому же он замерзал. Теплая вода с сахаром согрела его изнутри и придала ему силы... Еще нельзя быть уверенным в том, что он поправится, но надежда есть. Теперь за ним надо только ухаживать, как за маленьким ребенком.

— Я, конечно, сделаю все, если только буду знать как,— уверил Антери.

— Ну, особых знаний тут не потребуется. Ему надо давать пищу, но поначалу не очень много. А если ударит сильный мороз, его надо вынести отсюда, из леса, в тепло. Но прежде чем взяться за это дело, ты должен знать одно: если

олень выживет — а весьма вероятно, что будет именно так, — и если ты его выходишь, от него будет очень трудно отделаться. Он будет ходить за тобой повсюду. Будет стремиться пройти вместе с тобой в школу и попасть в дом. А утром он будет стучать в стену и будить тебя. Согласен ли ты на это и что скажут твои родители?

— Конечно, я стану ходить за ним до тех пор, пока он не поправится, — сказал Антери. — Каков его возраст?

— Точно нельзя сказать. Дни его рождения ты не сможешь справлять. Но все северные олени рождаются летом. Значит, ему нет еще года, — объяснил Матти-Олень.

— А почему он остался здесь умирать? Мать бросила его? — спрашивал Антери, не переставая есть.

— Вот ты какой любознательный... Можно только гадать о том, почему с ним приключилось такое. Отгадки могут быть всякие. Конечно, мать не бросала его, но, может быть, она встретила с медведем, росомахой или с ней стряслась какая-нибудь другая беда... Видишь ли, такой олень, возрастом меньше года, не умеет добывать себе пищу из-под снега. Он следует за матерью или другими взрослыми оленями, и, когда они раскопают в снегу яму, добываясь до ягеля, он идет к ней, как к накрытому столу, и ест, сколько сможет и успеет. Взрослые олени не отгоняют его от ямы, наоборот, он может их прогнать... Заметь, какие у него острые рожки. Когда мать или другой взрослый олень выкопают в снегу яму и доберутся до ягеля, молодой олень подходит и тычет их своими острыми рожками. Тогда взрослому оленю приходится переходить на другое место.

— Вот проказники! — засмеялся Антери.

— Ну да, почему бы и нет? Но когда выпадает суровая зима, вот такая, как нынче, тут уж не до шуток. Так устроила природа и ее создатель.

— А можно взять этого оленя себе? Ведь у него нет никакой метки на ушах.

— Ага, ты и это уже подметил, — улыбнулся Матти-Олень. — Из тебя непременно выйдет оленевод... В самом деле, на ушах у оленя нет надреза, и поэтому он еще никому не

принадлежит. Но все же кто-то имеет на него права. В настоящее время его хозяин — оленеводческое общество, организация, основанная оленеводами... Но если ты в самом деле хочешь присвоить оленя, это почти наверняка удастся. Надо только поговорить с «хозяином оленей», председателем оленеводческого общества, и он поставит этот вопрос перед другими оленеводами. Тогда на своем собрании они примут решение.

— Я, наверное, не наберусь смелости,— сказал Антери.— Это, кажется, так сложно... Поговорили бы вы... Поговорил бы за меня ты!

— Идет,— улыбнулся Матти-Олень.— Я берусь это сделать, ведь ты ходишь в школу и не можешь поспеть на все собрания. Но конечно, чтобы выслушать решение, тебе придется прийти самому. Собрание оленеводов длится целый день, и после школы ты успеешь заглянуть на него. Я скажу тебе, когда оно состоится... Но ты еще не рассказал мне, как поживает твой дедушка.

Глава седьмая

— В последний раз я видел дедушку прошлой осенью, когда мы с отцом были в лесу в междуречье Сомпио,— сказал Антери.— Тогда он чувствовал себя очень хорошо...

Теперь Антери представился случай вспомнить о золотых минутах прошлой осени — двухдневном путешествии по тайге к прежним родным местам — и рассказать о лучших и самых замечательных его событиях. Со своей стороны, Матти-Олень умел слушать и вдобавок ко всему знал те места, как, вероятно, знал всю Лапландию вдоль и поперек.

— Обе ночи мы провели у сосны,— сказал Антери и краешком глаза взглянул на своего слушателя.

— Ого,— удивился Матти-Олень,— не многие мальчики знают, что это такое. Наверное, это были твои первые ночи у сосны?

— Первые, но не последние,— сказал Антери.

— Так и должно быть...

И Антери рассказал старому оленеводу и таежнику, как надо было укладывать хвойные ветки, чтобы на них было хорошо спать, как тепло было у костра и как он горел до утра.

— А утром мы отправились от холма Суоритсинвоса дальше, но из этого ничего не получилось, потому что Сепи — это наша собака, и притом хорошая собака, — так вот, Сепи находила все новых и новых птиц, а отец все стрелял и стрелял, и под конец отец сказал: «Хватит, скоро мы не сможем нести их». И тогда мы связали их всех вместе и спрятали под ветвями большой ели, чтобы забрать на обратном пути. А Сепи повели на поводке, чтобы она не гонялась за птицами, и так пошли через Тинкиаапа.

— Ведь там впереди река Копсусйоки, — сказал Матти-Олень. — Как вы перебрались через нее?..

— Реку всегда можно пересечь, вброд-то уж во всяком случае, — как мужчина, сказал Антери.

— Именно так, — подтвердил Матти-Олень. — Башмаки с ног и долой штаны. А вода холодная.

— Нам все-таки не пришлось переходить реку вброд, хотя дело чуть не дошло до этого, — продолжал Антери. — Отец сказал, что знает мелкое место, по которому он обычно ходил и попадал в это время года на тот берег с сухими ногами, но теперь было иначе. Водохранилище Локка...

— Верно! Я и забыл о нем. А Копсусйоки впадает в него! — воскликнул Матти-Олень. — Как же теперь?

— Вода в водохранилище поднялась и в Копсусйоки тоже. Мелкое место, которое знал отец, перестало существовать. Пришлось идти вверх по течению, искать самое узкое место. Там отец перебросил через реку росшую на берегу березу, и мы переправились по ней, — продолжал Антери свой рассказ. — Так мы шли вперед, хотя и нелегко было. Отец сказал, что болота и равнины к северу от водохранилища стало пересекать куда труднее, чем прежде.

— От этого искусственного озера не одна только выгода получилась, — сказал Матти-Олень.

— Да. Вот и мы лишились дома...

— То-то и оно. Возможно, от этих хлопот по постройке

водохранилища и есть польза, и немалая, и о них не забывают говорить. А об ущербе умалчивают, хотя, наверное, и знали заранее... Ну, продолжай!

— Так вот, мы пришли в Тынкимáа, оттуда к холму Липка-ва́ара, а потом к холму Па́хтава́ара. На Пахтаваара мы спустили Сепи с поводка, и она начала искать птиц. Так мы шли к реке Лу́йройо́ки, пока путь нам не преградил залив водохранилища, который тянется вдоль русла Луйройоки. День уже подходил к концу, и надо было искать место для ночлега.

— А вам не следовало навестить дедушку? — спросил Матти-Олень. — Разве его хижина не стоит на холме Пахтаваара, а раз так, зачем вы пошли искать сосну для костра? Неужели вы бы не поместились в его хижине?

— Хижины дедушки там не было, я не видал ее, — сказал Антери. — Мы с отцом думали, что не увидимся с дедушкой, ведь завтра надо было отправляться в обратный путь. Отцу надо было в понедельник на работу, а мне в школу. Но все вышло иначе.

— Это становится интересным, — сказал Матти-Олень. — Так, значит, вы не успели домой к понедельнику и тебе пришлось сидеть после уроков, а отца уволили с работы?

— А вот и нет! — сказал Антери. Его забавляло воодушевление и ошибочные выводы Матти-Оленя. — Мы и дедушку повидали и как раз вовремя успели домой.

— Ну как же это возможно? — удивился старый олене-

вод.— Мне ведомы те концы, и я знаю, что так просто оттуда не уйдешь. Давай рассказывай дальше!

Антери выдержал долгую паузу и попросил еще немного кофе и, если можно, маленький бутерброд. Матти-Олень поспешил выполнить его просьбу, а затем снова уселся слушать.

— Ну так как же?

— Да что там,— сказал Антери.— Мы свалили сосну и стали на ночлег. Только мы начали готовить ужин, как вдруг появился дедушка и сказал, что, если мы хотим, можно сварить настоящую уху на всех троих.

— Уху?

— Ну да. У дедушки было сколько угодно рыбы. Большие щуки, жирные сиги, язи и форели с красной мякотью... Ужин был отличный. Я съел столько, что заболел живот. Много дедушкиной рыбы мы принесли домой. Дедушка чувствовал себя хорошо.

— Приятно слышать,— сказал Матти-Олень.— Когда увидишь его в следующий раз, передавай ему привет. Он, конечно, помнит Матти-Оленя... Но кое-что здесь все же неясно. Где дедушка добыл столько рыбы? Как он сумел добраться до вас, раз вы не смогли продолжать свой путь из-за этого залива водохранилища? И самый сложный вопрос: откуда он узнал, что вы там? Почта в те углы не доходит, и в хижине дедушки, конечно, нет телефона.

— У дедушки есть лодка там, где он живет,— сказал Антери.— А еще есть сети, чтобы ловить рыбу. Он сказал, что, когда вода в водохранилище поднялась, вся рыба словно испугалась и бросилась в устья рек, впадающих в водохранилище, вода там чистая и прозрачная. Рыбы в таких местах столько, что можно наловить сколько угодно, если захочешь. И ее, конечно, ловят. Из села и еще более дальних мест приезжают жадные рыболовы с десятками сетей. На моторных лодках они разъезжают взад и вперед по водохранилищу, отыскивают устья рек, забрасывают сети, проверяют их день-другой и уезжают с добычей в сотни килограммов. Дедушка сказал, что рыба есть, но при такой ловле ее ненадолго хватит.

— Пожалуй, так оно и будет,— согласился Матти-Олень.—

Ну, а как вы вернулись обратно со всей этой рыбой и птицей?

— Я уже сказал, что у дедушки есть лодка,— продолжал Антери.— На ней он подъехал к нам там, где вода преградила нам путь. Мы поели ухи и переночевали в укрытии все трое на хвойной подстилке.

— Три поколения на одной подстилке,— сказал Матти-Олень.— Это случается редко.

— Может быть... А утром мы сели в лодку дедушки и где на веслах, где шестами провели ее вниз по заливу, который образовался вдоль русла Луйройоки. Обогнули с юга холм Мърьяв́аара, потом направились вверх по заливчику, который образовался в устье Копсуййоки, и так добрались до склона холма Суоритсинвоса. Там была спрятана наша птица. Тут мы расстались. Дедушка дал нам столько рыбы, сколько мы могли унести вместе с птицей, а отец дал дедушке из своего рюкзака масло, сахар и табак. Он припас их специально для дедушки довольно много, хотя раньше я об этом не знал. Затем мы попрощались. Дедушка попрощался со мной за руку.

— Он так сделал?

— Да,— подтвердил Антери.— Раньше он никогда так не делал.

— Вот как,— тихо сказал Матти-Олень.— Может быть, тебе не придется передавать от меня привет дедушке. Я как-нибудь сам наведаюсь к нему.

Пока они разговаривали, день уже склонился к вечеру. Небо по-прежнему было облачным, и сумерки наступили рано. Оленеводы, старый и юный, бывалый и начинающий, сидели рядом на хвойной подстилке и смотрели на костер, огонь которого, казалось, разгорался по мере того, как сгущались сумерки. Возможно, они что-то видели в полыхании огня. Может быть, картины из пережитых ими скитаний по тайге, может быть, просто подвижное, живое пламя — и в этом случае на костер можно глядеть долго-долго.

— Доживет олень до завтра в лесу? — сказал юный, возвращаясь к действительности и практическим делам.

— Я думаю, что да,— ответил старый.— Если верить приметам природы, ночь будет мягкая... Отправляйся домой, мать

наверняка уже тревожится, почему ты задержался. Я дам оленю еще немного воды с сахаром и позабочусь о том, чтобы у него был корм. Не беспокойся за него понапрасну. Природа сделает для него то, что следует. Удели все свое внимание урокам... Встретимся завтра?

— Конечно.

— Тогда приходи после школы на это же место. Будем рассказывать друг другу истории, раз мы уже стали знакомыми. Я сварю кофе.

— Хорошо.

Глава восьмая

Антери встал на лыжи и прикрепил их к башмакам. Лыжня уже затвердела от того, что по ней несколько раз прошли туда и обратно. Звезд не было видно. Ветер гулял где-то высоко между вершинами елей, лес тихо вздыхал и время от времени какое-нибудь дерево выше других роняло с верхних ветвей снеговую шапку... Матти-Олень что-то упоминал о приметах природы и их бесспорности. Вздохи леса и это падение снега, должно быть, что-то означали. Посмотрим, что из этого выйдет, и запомним на будущее...

Медленное продвижение по знакомой тропе давало полный простор мыслям. Прежде всего Антери вспомнил о Матти-Олене, своем новом друге, который сидел сейчас один у костра на краю болота.

Матти-Олень казался ему славным стариком. Он был явно доброжелателен, много испытал на своем веку и, благодаря этим испытаниям, мудр. На него можно положиться, вот что... Кроме дедушки и своих родителей, Антери больше не знал ни одного надежного человека. У него не было такого и среди его сверстников, школьных товарищей, ни в прежней школе, ни, тем более, в нынешней. Были лишь болтуны, которые громко говорили множество дурных слов, когда учитель не слышал... На первых порах не все ладилось у него в этой нынешней школе. Он был приезжий, чужой мальчик среди ребят, которые

были знакомы друг с другом. Когда слышали имя — Антери, — его перевернули и переиначили, и вместо Антери стали называть А́ату, Анттоони и Аабрахами, но это была не ахти какая выдумка, во всяком случае, не оригинальная, так как именно тогда на уроке закона божьего у них шла речь о старом человеке с таким именем. Последнюю кличку изобрели, когда учитель зачитал перед классом его сочинение на тему о тайге. Какой-то умник назвал его Арска-Тайга, и, так как наградой за эту выдумку был одобрительный смех девочек, это имя выкрикивали так, что звенел весь школьный двор. Однако Антери было все равно. Точнее говоря, не то чтобы все равно, но он просто не подавал виду. Он гонялся за футбольным мячом вместе с другими увлеченными игрой ребятами и ни разу не взглянул в ту сторону, где умник-изобретатель во всеуслышание являл свою удивительную сметливость. На том и закончилась та перемена.

Само по себе имя Арска-Тайга было ничуть не обидно. Антери знал, что у всех сколько-нибудь примечательных лапландцев были особые прозвища, происходящие либо от собственных видоизмененных имен, либо совершенно иного происхождения. Но эти прозвища рассказывали о человеке больше, чем просто его собственное имя. Взять, к примеру, Матти-Оленя. Это прозвище раскрывало профессию, дело всей жизни человека по имени Матти. Какому-нибудь старому человеку и отдаленному знакомому Матти-Оленя оно рассказывало о его преданности и умении, его знаниях и искусстве в трудном деле оленеводства. Это было почетное прозвище, как «король» или «президент», его заслуживали, а не просто принимали.

Антери слышал и помнил и другие прозвища в том же роде: Пёкка — Северный Олень, Хейкинен-Хвастун, Сámели-Волк, Кúстаа-Медведь, Оу́ла-Росомаха и так далее, и на их основании даже посторонний мог многое себе представить. Не говоря уже о нем, Антери, который чувствовал и знал всю историю жизни того или другого человека с прозвищем. В Лапландии было полно таких многозначачих наименований, Антери знал это. И не только люди, которые все же довольно редко заслуживали подобные имена, но и реки, озера, холмы,

сопки, болота, равнины, даже маленькие островки — все они имели такие названия.

Из рассказов отца и особенно дедушки Антери часто слышал такие названия, как огнище Хярянсортама, сопка Костра, сопка Йбсеппи, каменная россыпь водопада Быка и так далее. И здесь, на новом месте жительства, он успел услышать из разговоров людей названия таких мест, как холм Рода, Кáповый остров, Дедово болото, Замерзшая канава, Лыжная равнина, Вересковая пустошь залива Форели, Птичий кряж, Священный остров и многие другие. Все они что-нибудь да означали, и, хотя нельзя было с полной уверенностью сказать, откуда произошло и что означает то или иное название, они будоражили воображение, в них чудилось что-то неведомое...

В ряду этих названий прозвище Арска-Тайга, которое было мимолетной выдумкой и почти наверняка говорило об одном только желании досадить, не могло утвердиться. В мире старых, прочных и многозначущих имен у него не было возможности выжить. Поэтому оно исчезло, едва успев родиться, умерло в полудюжине звонких криков на школьном дворе.

Антери приехал домой. Уже темнело, когда он снял лыжи и поставил их к стене в сених.

Отец еще не приходил с работы, и Антери сразу попал на экзамен к матери.

— Ну и долго же теперь длятся занятия в школе.

— Я задержался не в школе... Ведь я говорил утром, что пойду к Матти-Оленю, а потом посмотрю оленя. Разве ты не помнишь?

— И все это было так важно, что ты даже не удосужился заглянуть в перерыве домой? — упрекнула мать.

— Да, но ведь олень больной. Он чуть не умер с голоду, — напомнил Антери.

— А ты-то сам? Ведь ты и сам не ел толком весь день, — сказала мать. — Надо заботиться и о себе, а не только о чужих оленях.

— Я ведь ел утром, а потом в школе. А когда я пришел

к оленю, там был Матти-Олень, и он дал мне бутербродов и кофе,— сказал Антери.— И это никакой не чужой олень, у него целые уши, он ничей. Матти-Олень сказал, что сейчас он принадлежит обществу оленеводов, но что я могу с полным основанием надеяться получить его навсегда.

— Ну что это за ребенок! — запричитала мать.— Разговаривает об оленях, об оленьих ушах, об обществе оленеводов, точно оленевод-лапландец. Ходит весь в лишае, ест и пьет в лесу... Разве Матти-Олень товарищ тебе? Водился бы лучше со своими сверстниками.

— Матти-Олень говорит, что знает дедушку,— сказал Антери таким голосом, чтобы стало ясно, что Матти-Олень годится ему в товарищи.— А ребята в деревне пустые болтуны...

Пришел с работы отец, и за ужином всей семьей говорили о том, сможет ли Антери держать оленя, если тот выживет и общество оленеводов согласится на это.

— Что ж, в этом нет ничего плохого,— сказал отец.— Мальчик любит животных, и он нашел оленя. Если олень выживет, на Антери как бы ляжет ответственность за то, чтобы он дожил до лета. Посмотрим, как все обернется.

— Обернется так, что он забросит уроки, не будет решать задачи, попадет в ленивые ученики и останется на второй год,— сказала мать.

— Я непременно буду делать уроки и перейду в следующий класс,— уверил Антери.

— И я так думаю,— сказал отец.— В этом отношении мальчик пошел в отца... И вот что еще я должен сказать: ведь олень имеет какую-то денежную ценность. Многие зарабатывают себе на жизнь оленеводством.

— Ну уж не так много они, наверное, зарабатывают,— сказала мать.

— Конечно, нет,— согласился отец.— А где у нас в Лапландии хорошо зарабатывают? Нынче как и прежде... Я вовсе не надеюсь, что мой сын станет оленеводом при таких обстоятельствах, но, с другой стороны, цена на оленину повышается год от года. У оленеводов есть теперь мотосани и довольно

хорошие дома на пастбищах. Все в мире развивается, почему бы не развиваться и оленеводству?

— И точно, почему? Я тоже об этом спрашиваю. Почему прогресс не затрагивает Лапландию или приходит к нам в последнюю очередь? — спросила мать. — Мы и поныне пользуемся газовым фонарем, хотя ради электричества нам пришлось покинуть родной дом. Как это понимать?

— Ну, полно, мать, — утешал ее отец. — Мы и прежде обходились без электричества. Конечно, и у нас станет светло. Когда сын подрастет, мы щелчком выключателем, и у тебя загорится электрический свет. Пусть у Антери все-таки будет олень... Конечно, ты сам должен будешь заботиться обо всем, что касается его, — сказал он Антери.

— Матти-Олень обещал помочь, — сказал Антери.

— Профессионалы, они и вправду основательные люди... — Это сказала мать. — Есть у твоего оленя имя?

— Нет, — сказал Антери. — Нет еще... А разве у оленей бывают имена?

— У некоторых, конечно, бывают, — сказал отец. — У таких, которые больше бывают с людьми. У тягловых оленей, у вожakov стада и так далее.

— Конечно, и у животного должно быть имя... — Это было мнение матери.

— А что такое тягловый олень и вожак стада? — спросил Антери.

— Узнай у Матти-Оленя, — посоветовал отец. — Он лучше всех сможет объяснить тебе это.

Глава девятая

Олень прекрасно поправлялся после голодания, и ему дали имя Рипсу — хорошее имя, как казалось Антери. Когда олень окреп и стал ходить, он по большей части держался тех мест, где был и занимался делами его хозяин. Все произошло так, как предсказывал Матти-Олень: олень и мальчик стали неразлучными друзьями. Если где-либо видели Рипсу, можно было

быть уверенным в том, что и Антери находится неподалеку. И наоборот... Как и у всех оленей, у Рипсу были двупалые копыта, которые потрескивали, задевая друг за друга при ходьбе по дорогам. И мать, вначале настроенная против оленя, тоже полюбила его и говорила ласковым голосом, как может говорить только мать:

— Вон идет наш Рипсу...

По большей же части Рипсу находился в обществе своего спасителя и обращал мало внимания на других людей. Он сопровождал Антери в школу и из школы и даже стремился ворваться на урок, но это было, конечно, недопустимо.

И все же однажды это удивительное событие произошло: оленя Рипсу допустили в класс. На одном из уроков речь шла о домашних животных, в частности о северных оленях, и учитель сказал, что Рипсу можно позвать в качестве образца животного, если только он согласится. Антери разрешили сходить за своим питомцем, и ходить пришлось недолго, потому что, пока Антери был на уроке, Рипсу бродил или лежал на школьном дворе. Стоило только открыть дверь школы и позвать его, как олень тотчас же вошел внутрь и зацокал следом за Антери в класс, уверенный в себе, точно школьный инспектор.

Благодаря Рипсу урок удался на славу, и все держались того мнения, что это был один из самых интересных уроков, которые когда-либо давали в школе. Например, когда Рипсу заинтересовался тетрадью одной девочки и пожелал попробовать ее на вкус, восторгу школьников не было границ... Рипсу, хотя и в малой мере, нарушил также правила приличного поведения. Когда учитель говорил о пищеварении оленя, Рипсу задрал свой короткий хвостик и обронил возле учителя несколько маленьких катышков. Мальчики закричали, девочки смущенно захихикали, прикрыв рукой рот, и Антери стало стыдно за своего питомца. Но учитель как ни в чем не бывало сказал, что более совершенного свидетельства пищеварения северного оленя и не придумать. Катышки были сухие, и их ничего не стоило убрать. Это сделал Антери по указаниям и при помощи учителя.

Ссылаясь на пример Антери, и другие школьники, справедливости ради, стали требовать, чтобы им позволили принести в школу своих питомцев в качестве наглядных пособий. Учитель разрешил принести кошек и собак, когда о них зашла речь, но когда некоторые стали просить разрешения принести на урок кур и петухов, привести баранов и коров, а один мальчик в одно прекрасное утро появился на школьном дворе с лошадью, учитель сказал: «Хватит». Мальчику велели отвести лошадь домой, и с этих пор с различными животными знакомились при помощи таблиц и диапозитивов.

Рипсу, во всяком случае, изо дня в день ходил в школу вместе со своим хозяином и возвращался домой в конце дня. В иное время он держался близ дома Антери, послушно оставался на ночь вне жилища и выбирал себе место для ночлега когда где придется. Полудикий лесной зверь, он не знал горюшка даже в сильные морозы — мех защищал его от холода. Если только он получал достаточно пищи, он справлялся со всем, с чем справляются и другие олени на своих местах.

Добывание пищи для Рипсу была особая статья. Заметив, что Антери заботится о нем, олень перестал пытаться сам выкапывать ягель из-под снега — в той мере, в какой он это мог. Напротив, он следовал за своим опекуном на болото Калтио, где они вдвоем добывали лишай. Но лишая было не слишком много, и его количество на комлях, стволах и ветвях деревьев все уменьшалось. Достать его лыжной палкой было уже нельзя. Тогда Антери забирался на дерево с палкой и сдергивал или сбивал ею пучки лишая, которые падали на землю к ожидавшему их Рипсу.

Могло стать, Рипсу был очень голоден и успевал поедать весь лишай, который упал на наст, а на дереве его больше не было. Антери начинал спускаться вниз, но на корнях дерева его встречал Рипсу со своими острыми рожками. Олень подталкивал ими Антери в заднюю, и было ясно как день, чего он добивается: он требовал еще пищи и хотел, чтобы Антери опять лез за нею на дерево.

Антери пробовал объяснить, что на дереве больше не осталось нисколько лишая и что он хочет еще поискать пищи, но

олень не понимал его. Лишь после многочисленных уверток Антери удавалось спуститься на землю так, чтобы Рипсу не порвал ему штаны.

После нескольких таких эпизодов Антери пришлось отправиться к специалисту, своему другу Матти-Оленю, и просить у него совета. Старый оленевод смеялся до слез, слушая рассказ Антери. Он не слыхал раньше ничего подобного.

— Но уж мы найдем на него управу,— сказал он.— Что, если мы накинем на голову твоему Рипсу недоуздок, а к нему прикрепим ремень? Тогда ты сможешь привязать его к какому-нибудь дереву на то время, пока сам лазишь за лишаем.

— Я наверняка не сумею сделать недоуздок,— сказал Антери.

— Ну конечно,— сказал Матти-Олень.— Солдатами не рождаются. Но я сделаю его и тебя научу, как делать...

Они тотчас взялись за дело, примерили пришедшему следом за Антери Рипсу свое изделие, и недоуздок был готов. У старого оленевода нашелся мягкий, но крепкий ремень, узлы которого не могли вдавиться в шею или лоб оленя или натереть их.

— Ты не думаешь о том, чтобы научить оленя чему-нибудь еще, кроме как есть лишай? — спросил Матти-Олень.— Это он умеет и не учась...

Антери не знал, что на это ответить, и Матти-Олень продолжал:

— Видишь ли, в старину оленей использовали в разных целях. Кроме того, что оленя забивали на мясо, его во всей Лапландии использовали как тягловое и вьючное животное. Крепкий, обученный тягловый олень тащил лопарские или легкие сани с человеком в них, а летом переносил изрядную ношу, которую человек взваливал ему на спину... Теперь место оленя заступили мотосани, но несмотря на это оленя, конечно, можно научить той работе, которую он справлял раньше. От твоего оленя пока еще мало проку, но он может учиться, и обучение надо начинать смолodu.

— А успеет ли он уже этой зимой обучиться настолько, чтобы на нем можно было ездить? — с жаром спросил Антери.

— Он еще не скоро сможет тащить настоящие лопарские сани. Да и вряд ли сможет это делать, хотя и будет уметь,— сказал Матти-Олень.

— Но ведь ты только что говорил...

— Видишь ли, новые лопарские сани теперь никто не изготавливает, а старые превращаются в рухлядь. Они либо гниют где-нибудь у стены, либо их разламывают на дрова,— сказал старый оленевод.— Прогресс дает себя знать... Но в деревне появились пластмассовые санки, их покупают детям. Такие санки твой олень мог бы тащить по ровной местности, по дороге или тропе, если б даже ты сидел за погонщика. А в марте или начале мая, когда установится хороший настовый путь, Рипсу отлично сумел бы тащить за собой лыжника — тебя.

— До сих пор Рипсу всегда ходил следом за лыжником,— сказал Антери.— Он портит и разрушает лыжню. Он много раз коверкал лыжную дорогу к школе, и ребята винят в этом меня.

— Ну, ты можешь положить этому конец, если запрешь оленя... Я говорил о том, выйдет ли из Рипсу тягловый олень или нет. Не из всякого оленя выходит тягловый олень, как его ни учи... Но твой Рипсу производит хорошее впечатление, и я нисколько не удивлюсь, если он будет даром катать тебя по болотам и равнинам.

— Разве он уже мой? И как надо его учить? — спросил Антери.— Ведь я не умею.

— Посмотрим, посмотрим,— успокоил его Матти-Олень.— Председатель общества оленеводов уже поставлен в известность и срочно созывает собрание. А что касается обучения Рипсу, то это кропотливый, требующий терпения труд. Вернемся к делу, когда наступит новый день. Сегодня мы смастерили недоуздок для Рипсу и заодно решили другие загадки. Понемногу за день — много за неделю...

Так где-то в середине марта началось обучение Рипсу.

Лапландский день заметно удлинился, светло было с семи утра до семи вечера, да еще были утренние и вечерние сумерки. Рипсу привязывали ремнем близ дома, и он не мог больше свободно бродить по деревне. Так было лучше и особенно безопаснее для Рипсу, потому что с прибавлением дня и потеплением край сопки стал привлекать внимание толп туристов. Вереницы автомобилей мчались через деревню по автострате № 4 на бешеной скорости. Если бы Рипсу стоял на шоссе, это привело бы к его гибели, а в худшем случае опрокинулся бы и автомобиль.

В ремне для Рипсу не было никакой беды. Он мог двигаться, насколько позволяла длина ремня, и у него не было недостатка в пище.

Ему доставляли лишай, пучки ветвей, хвощ и время от времени давали кусок вкусного хлеба, который приносил в кармане его заботливый опекун и хозяин. А когда кончались занятия в школе и Антери проходил с ранцем в дом, в жизни оленя наступала перемена. Теперь была очередь Рипсу «сидеть на уроке», а учителем был Антери.

Однако школьным инспектором или даже членом школьного совета, а то и министром образования был Матти-Олень.

Пасха в этом году пришлась на апрель, и на время пасхальных каникул установился замечательный настовой путь. Снег был такой твердый, что отлично держал Рипсу, который уже мало-мальски научился тянуть за собой человека на лыжах. Он умел поворачивать в ту сторону, куда тянул вожжевой ремень, но, поскольку вожжа была всего одна, как и полагается у тягловых оленей, ему приходилось также осваивать взмах рукой, который делал погонщик... Суть в том, что вожжевой ремень, служащий одновременно для того, чтобы удерживать оленя, когда он не бежит, обеспечивает подачу сигнала к повороту налево, и только налево. А взмах погонщика левой рукой означает, что надо повернуть направо. Когда вожжевой ремень держат в левой руке, все управление сосредоточивается в ней: дерганье за ремень означает поворот налево, а взмах рукой — поворот направо. В свою очередь, в правой руке погонщик держит тяговую веревку, которая ведет между ног оленя к его шее, к лопаткам.

Трудная это была школа для Рипсу, но и Антери тут было чему научиться, к чему привыкнуть. Временами раздосадованный олень упрямылся, и его надо было просто наказывать. У Антери это не получалось, и тогда в обучение вмешивался Матти-Олень и ставил все на свои места.

— Олень полудикое животное и должен усвоить, кто его хозяин,— говорил он.— И чем суровее урок, тем глубже усвоение...

Первая трудность состояла в том, что Рипсу не соглашался, чтобы его вели на поводу. Он упирался всеми четырьмя ногами, и Антери не мог сдвинуть его с места. Тогда приходилось звать на помощь Матти-Оленя, и он показывал оленю, что, когда его тянут за повод, лучше всего повиноваться. Хотя он и упирался изо всех сил и в конце концов бросался на землю, они все-таки продвигались вперед. Когда так продолжалось некоторое время, Рипсу убеждался, что сопротивление ни к чему не приводит. Ему позволяли встать на ноги и давали время одуматься. Конечным результатом было то, что олень следовал за своим

поводырем, хотя ремень не был натянут. Рипсу стал ходить на поводу и в некотором роде окончил первый класс.

Второй трудностью, требовавшей длительного обучения, было научить оленя тащить что-либо за собой. Тяговая веревка между ног оленя, казалось, причиняла ему неудобство, и груз на ее конце как будто пугал его. Стоило большого труда удерживать Рипсу от панического бегства. Тут опять требовалась опытная и сильная рука Матти-Оленя, чтобы удерживать пугливое животное, и понемногу урок усваивался. На определенном этапе к концу тяговой веревки стали привязывать макушку ели, ветки которой оказывали сопротивление при волочении, и таким образом Рипсу чувствовал нагрузку на шею и лопатки. В конце концов отпала необходимость в том, чтобы поводырь находился возле оленя, удерживая его, стало возможным удлинить поводок, и Рипсу послушно следовал за ним. Так был окончен второй класс.

И наконец, Рипсу следовало научиться сигналам управления. Поводырь помещался теперь позади и был теперь не поводырем, а погонщиком. Это было трудное дело, и обучение ему требовало помимо терпения еще и суровости. На этом этапе сам Антери чувствовал себя учеником. Надо было управляться с вожжевым ремнем, удерживать в руке тяговую веревку и сохранять равновесие на лыжах, в то время как Рипсу нарезал во все лопатки. Все это казалось чуть ли не непосильной задачей. Не раз случалось, что либо по неопытности Рипсу, либо из-за неловкости Антери веревки и ремни безнадежно перепутывались, и олень вместе с Антери на лыжах переплетались в один клубок. Тогда Матти-Олень закатывался смехом, и Антери тоже не оставалось ничего другого, как смеяться, ведь сердиться и нервничать не имело смысла — это ни к чему не приводило. Быть может, и Рипсу тоже хохотал бы, если бы только умел.

И вот в один прекрасный день тренировочное упражнение Антери и Рипсу прошло без сучка без задоринки. Глаза Матти-Оленя на его морщинистом лице сверкнули, и он сказал:

— Это достижение, за которое можно дать по крайней мере водительские права.

— А дают за такие занятия водительские права? — спросил Антери.— Наверное, все-таки нет.

— Дают, это точно. Близ Рованиёми, в Мая на Полярном круге туристы могут ездить на обученных северных оленях, и где-то там есть школы езды на оленях,— сказал Матти.— Возможно, такие школы существуют и в других местах Лапландии, и если турист сумеет самостоятельно проехать на олене, оставаясь в лопарских санях, круг по льду озера или еще где-нибудь, ему дают водительские права.

— Какие глупости! — удивился Антери.

— Нисколько. На этих правах серьезные подписи и внушительные печати, и турист вставляет их в рамку и вешает на стену, когда возвращается домой,— уверил его старый оленевод.— По-моему, это гениальное изобретение — с точки зрения лапландцев. За эти водительские права, видишь ли, приходится платить, и деньги остаются у нас в Лапландии.

— Пусть так,— согласился Антери.— Но в обучении оленя турист, конечно, ничего не смыслит.

— Это верно. Этим умением обладают другие,— сказал Матти-Олень.

В общем и целом было много хлопот, и время летело как на крыльях. Антери даже перестал вспоминать о своем старом доме, который был теперь под водой и толстым льдом, и о своем дедушке, который в одиночестве зимовал в хижине в тайге, близ того места, где они прежде жили. Зимой отец дважды проделал к нему трудный путь и относил ему продукты, к которым человек все-таки привык, жил ли он в глуши или в обжитых местах. Дедушка ценил соль, сахар, кофе и табак, хотя не желал переселяться в деревню или поближе к тем местам, где можно было их достать. Еще он, конечно, нуждался в хлебе и муке. В тайге зерновые растения не росли, а маленькие поля их старого дома ушли под воду. Но приварок к хлебу — мясо и рыбу — дедушка брал от природы. Осенью он подстрелил лося, а водохранилище и особенно устья впадающих в него рек давали сколько угодно рыбы.

Рыба была по вкусу и другим. И добывать ее теперь, в пасхальные каникулы, снарядились Антери и его отец... Долго обсуждали вопрос о том, можно ли брать мальчика с собой в такое длительное путешествие. Если бы у них были мотосани, все было бы ясно без долгих слов. Точно так же, если бы мальчику предстояло пройти пешком туда и обратно многомильный путь, решение было бы просто: Антери следовало остаться дома. О другой возможности не могло быть и речи. Но теперь у них был Рипсу, с которым Антери, казалось, управлялся довольно умело. Сможет ли молодой оленевод на практике подтвердить, что спасение оленя от голода, все заботы о нем и труды по его обучению не были напрасной тратой времени?

Сам Антери говорил, что он, конечно, справится с Рипсу. Мать была настроена отрицательно, а отец сомневался.

— Пойдем спросим у Матти-Оленя,— предложил Антери.

Матти-Олень сказал, что хотя Рипсу еще не полностью обученный олень, он как пушинку понесет Антери по насту. Он мог бы потащить за собой и отца, если бы только отец мог управляться и совладать с ним. И если путь пойдет через болота и равнины, где деревья не будут помехой, то олень и мальчик, конечно, оставят позади любого, даже хорошего лыжника.

— По-моему, ничто не мешает взять с собой мальчика,— сказал старый оленевод.— Ведь в подобных обстоятельствах олень только проходит хорошую школу и на деле определяются его возможности... Вероятно, и от мальчика будет какая-то помощь при ловле рыбы. В одиночку трудно опускать сети под лед.

Отец согласился с этим... Они выпили кофе в маленьком жилище Матти-Оленя, поговорили о том о сем, и, когда собрались уходить, старый оленевод сказал напоследок:

— Счастливого пути! Хорошего улова и больших рыб! И принеси, мальчик, старому Матти-Оленю налимов, в эту зиму у нас с тобой было столько хлопот.

Дело было ясное, Антери решили взять с собой на рыбную ловлю... Перед пасхальными каникулами, до отправления в путь, в обществе оленеводов состоялось весеннее собрание,

на котором владельцы оленей обсуждали и решали вопросы о сооружении изгородей и избушек для оленеводов, о весеннем отёле и множество других дел, относящихся к оленеводству. Решалась также и судьба Рипсу, и Антери напряженно и даже со страхом ожидал этого момента.

Матти-Олень точно знал, когда состоится собрание, но о нем известили также в газетах. Матти успокаивал Антери и уверял, что оленеводы порядочные люди и примут в свою среду каждого, кто серьезно интересуется оленями.

— А вдруг они все-таки отнимут у меня Рипсу? — волновался Антери.

— Не думаю. Я говорил с председателем общества, и он был того мнения, что дело решат в твою пользу. Но сам председатель не может решать его один.

Собрание проводили в просторной избе возле школы. Когда Антери после уроков пришел на двор дома, там стояли автомобили, несколько мотосаней и одна оленья упряжка. Большой олень с великолепными рогами ел хвощ из лопарских саней, на которых он привез сюда своего хозяина.

Все скамьи в избе были заняты, их не хватало, и некоторые оленеводы сидели на полу. На многих были лоснящиеся лапландские куртки с роскошными поясами, и почти у всех на ногах были нутукасы — сшитые из оленьей кожи теплые сапоги с великолепными шнурками. Антери понимал, что для владельцев оленей это было своего рода торжественное событие, поэтому они и оделись соответственно. Но самый большой праздник для оленеводов наступает тогда, когда разбивают общее стадо, когда оленевод получает вознаграждение за свой труд, так сказать, собирает урожай с оленьей нивы. Антери знал это. Сам он еще ни разу не присутствовал при разбивке стада, но слышал рассказы о ней не в последнюю очередь от своего друга Матти-Оленя.

Матти и сейчас был здесь. Антери отыскал его взглядом вблизи стола, стоявшего в конце избы. За столом сидел кареглазый подвижный человек, на котором была самая роскошная лапландская куртка. Антери догадался, что это и есть председатель.

Антери поздоровался со всеми и хотел остаться стоять у двери, но Матти-Олень заметил его и освободил место подле себя на скамье, на которой и без того уже было полно сидящих людей. Антери прошел на указанное ему место, сел и стал следить за ходом собрания.

Председатель отстукивал решения молотком, а секретарь рядом с ним заносил их в протокол. Последовала небольшая пауза, и председатель посмотрел на Антери. Он прокашлялся и заговорил:

— А теперь к нам пришел новый человек, который намеревается стать оленеводом и, насколько мне известно, уже на деле доказал, что у него есть данные для этой профессии. Он сидит рядом с Матти-Оленем, и на спине у него ранец. Повидимому, в ранце запас провизии на неделю и он собирается отправиться в олений лес...

Оленеводы громко рассмеялись шутке, а Антери сообразил, что у него действительно ранец на спине. Он покраснел и упрекнул себя за то, что не снял и не оставил его в сенях. Он поспешно сбросил лямки и положил ранец на пол между ног. А председатель тем временем продолжал:

— Этого молодого оленевода зовут Антери, он спас от голодной смерти одного из оленей, принадлежащих обществу. Катаясь на лыжах по болоту Калтио, он нашел полумертвое животное под елью, дал ему пищи и выходил его. Так мне рассказывали... Было такое дело?

Антери понял, что вопрос адресован к нему. Он встал, как на уроке в школе, и ответил:

— Было. Но я один ничего не смог бы сделать. Матти-Олень...

— Заслуги Матти-Оленя известны,— сказал председатель.— Все-таки это ты нашел его и оказал первую помощь... Тут есть над чем подумать нам всем. Мы проезжаем по лесу на мотосанях мимо всех елей и за шумом мотора не слышим, просит ли кто о помощи... Да ты садись, Антери,— или нет, сделай сперва круг по избе и пожми всем руку, мы хотим познакомиться с тобой. Нам надо знать друг друга, ведь мы работаем на одном поприще.

Антери сделал круг по избе, по очереди протягивая руку всем присутствующим. В свою очередь многие крепкие руки пожали его руку. Обход всех этих незнакомых людей был делом мучительным и напряженным, и под конец Антери был так растерян, что протянул руку своему другу Матти-Оленю. Тот горячо и непринужденно пожал своей корявой рукой протянутую ему руку, и Антери так и не мог решить, допустил ли он погрешность против этикета или нет. Он сел, а председатель продолжал:

— Так вот, Антери хотел бы забрать себе спасенного им оленя. Олень немеченый, и мы не знаем, кому он принадлежит. Какие будут мнения?

Раздался одобрителный гул.

— Я тоже так думаю,— сказал председатель.— Таков обычай с древних времен. Итак, олень принадлежит Антери. Занесем это в протокол... Теперь новому владельцу оленя следовало бы установить, как он пометит своего оленя. Но мы не можем решать этот вопрос здесь. Мы можем только внести предложение в Союз обществ оленеводов, который либо отклонит его, либо одобрит и передаст в Сейм оленеводов для окончательного утверждения... Что у тебя, Матти-Олень?

— На первых порах можно было бы вырезать мой знак, тогда олень не потеряется, если решение Сейма задержится.

— Это дельное предложение,— сказал председатель.— Сейм оленеводов соберется только летом, а к тому времени оленей уже выпустят в леса... Какой у тебя знак?

— На левом ухе засечка сверху, на правом две засечки, сверху и снизу,— сказал Матти-Олень.

— Да, вспоминаю,— сказал председатель.— Левое ухо, значит, почти целое, и на него можно нанести добавочный знак, какого ни у кого нет. Получите у меня на время регистрационную книгу, но, возможно, Матти-Олень и так помнит ушные метки нашего общества и соседних... Как, Матти-Олень, сколько ушных меток и владельцев оленей ты еще помнишь?

— Может быть, две-три сотни,— сказал старый оленевод.— Молодым помнил больше...

Это собрание многое дало Антери. В ушных метках оленей ему открылось нечто новое и удивительно обширное. Он узнал, что в употреблении было двенадцать тысяч меток и что разнообразить их можно было без конца. Старинные и традиционные названия надрезов на ухе неделями вертелись после этого у него в голове, пока он не узнал от Матти-Оленя, что означает зарубка, развилок, дужка, прокол, кирпич или сруб, засечка или отточка, птичья лапа или птичья полулапа, а также лисий пень.

Точно так же он узнал, что в Лапландии насчитывается более двухсот тысяч оленей. Это было немалое количество, и он чувствовал, что дело, к которому он примкнул благодаря Рипсу, было вовсе не шуточное, а, напротив, большое и почетное.

Глава одиннадцатая

Наст искрился, как он может искриться только в конце зимы и только в Лапландии. Солнце ярко светило, и миллионами маленьких солнц сверкал снег. Лучи солнца, отражаясь от кристалликов твердого снега и крупниц инея на стволах деревьев, слепили глаза.

Рипсу резво бежал по насту, который был такой твердый, что его копыта оставляли на нем едва заметный след. Антери мчался за ним на лыжах, держась за тяговую веревку.

Вот это была езда так езда!

Сперва Рипсу упрямылся, и отец уже было решил, что ему не придется взять с собой на рыбную ловлю Антери. Но потом олень и мальчик поняли друг друга, и теперь они прошли километров десять, если не больше. Отец остался далеко позади, так что, когда Антери у рва на болотистой низине Кяппяляапа завернул Рипсу поперек маршрута и, таким образом остановив его, поглядел назад, отец казался маленькой точкой на другой стороне болота.

Они стояли и ждали. Точка быстро увеличивалась и вскоре превратилась в лыжника, тащившего за собой маленькие лопарские сани. Это шел отец, и шел быстро. При таком насте

дорога давалась легко и оленю, и лыжнику. Но было и различие.

Когда отец подошел к ним, он вытер со лба пот. Зато Антери, напротив, было чуточку зябко.

Отец присел на сани, в которых было их дорожное снаряжение: моторная пила, топор, спальные мешки, брезент, три сети и провизия. Наконец он сказал:

— Послушай-ка, сын. Ты умеешь ориентироваться?

— Нас немного учили в школе,— сказал Антери.— А что?

— Что, если мы разделим наше снаряжение до вечера?..

Антери уже испугался, что его отошлют обратно домой, но понапрасну, так как отец сказал:

— Мы идем к реке Вйувалойоки, которая впадает в водохранилище Локка. Если б я отправился туда один, я проделал бы часть пути на автобусе. Но с нами Рипсу, и его не возьмут в автобус... Отсюда до автострады № 4 около трех километров, и я успею туда как раз к приходу автобуса, который идет на север. Таким образом, через два часа я был бы на равнине Виувалойоки и отправился бы оттуда к реке. Но сумеешь ли ты добраться туда? У тебя будет карта и компас, а я укажу тебе маршрут.

— Сумею,— не задумываясь, ответил Антери.

— Ого! — сказал отец.— Такая самоуверенность — это нехорошо. Она может привести к зазнайству, а в тайге это ни к чему... Но мы все-таки попробуем. Ты возьмешь рюкзак за спину, в нем будет немного провизии и топор. А также спички. Если что-нибудь случится или ты собьешься с пути, зажжешь костер. Чтобы днем он давал много дыма, а ночью был ярок и далеко виден. Не поддавайся страху. Прежде чем наступит утро, мы будем вместе, что бы ни случилось, но, надеюсь, все выйдет так, как мы рассчитали.

Они по карте определили маршрут через болота и равнины. Отец отправился с санями к шоссе, и Антери остался один. Ответственность за продолжение пути и выбор верного направления легла на его плечи, и, казалось, она давила сильнее, чем ранец с его скудным содержимым. Но отец оставил ему карту и определил по компасу направление. К тому же ему точно

указали природные ориентиры по пути. «Не может того быть, чтобы я не нашел Виувалойоки», — подумал Антери.

— Пусть даже она будет в самом глухом углу Лапландии, я отыщу ее, — пробормотал он, приободряясь.

Но затем он вспомнил, что сказал отец о зазнайстве, и одернул себя. Теперь надо было действовать умно и осмотрительно. Виувалойоки была в тридцати — тридцати пяти километрах впереди, и при малейшей неточности на таком пути можно было допустить большую ошибку в ориентировке.

Антери еще раз взглянул на карту и постарался запомнить ее. Затем он сориентировался по компасу и посмотрел, где находится солнце. Он был готов в путь.

— Ну, Рипсу, — сказал он оленю, — покажи, на что ты способен. Мы первыми разожжем костер у реки Виувалойоки...

Преодолев перешеек между Большой и Малой рощами Х́анхил́ехто, Антери с оленем оказались на болоте, которое почти сплошным путем могло вывести к цели... Насколько летом болота и болотистые низины были помехой и препятствием для путника, настолько теперь, зимой, особенно при твердом насте, они помогали продвигаться вперед. Казалось, и сам Рипсу это сознавал: он бежал длинными и проворными шагами. Конечно, он учащенно дышал, но чистого, богатого кислородом воздуха было достаточно. Своими широкими ноздрями он втягивал его в легкие столько, сколько было необходимо. Антери на своих скользящих лыжах, держась за конец тяговой веревки, нисколько не проваливался в снег — наст держал его.

Он следил за тем, чтобы выдерживать правильное направление, и повторял про себя названия, которые запомнил по карте и указаниям отца: «Это озеро С́айвел́ярви. Через его западную часть... Так... теперь впереди Ќевитса. Где-то на его склоне, говорил отец, есть знаменитый божок рыбаков. По-прежнему ли он приносит удачу рыбакам Сайвелярви? Мне он принесет удачу в том смысле, если я выйду точно на него и мы с отцом будем ловить рыбу не в этом озере, а в реке Виувалойоки...»

«По правую руку остается огнище Вáйсконпáло, по левую — остров Кевитса. Тут Рипсу круто берет на восток в объезд юго-восточной оконечности кряжа Большой Вáйсконсёлкя, и перед нами раскрывается болотистая низина Хуутамоáапа. Мы на верном пути! Солнце теперь стоит над правым плечом, а направление на северо-северо-восток. Вон за тем островком на болоте должен быть пруд Лóуелáмпи, но я его не увижу. Тепёрь через этот пролив — и перед нами болотистая низина Лóуеáапа. Насколько мне помнится, она тянется на три километра, и, когда мы объедем северную оконечность кряжа Лóуесёлкя, впереди справа должно показаться урочище, в котором невозможно ошибиться... Верно, вот он, Кóйтелáйнен, массив сопки, они возвышаются более чем на четыреста метров...

Отец, наверное уже проехал положенный ему путь на автобусе, встал на лыжи и направляется к Виу́валонвóса, где он обещал разжечь сигнальный дымовой костер. Но мы остановимся на Кóйтелайнене перевести дух и закусить. Так мы условились с отцом, ведь Матти-Олень сказал, что не следует очень долго гнать такого молодого оленя без перерыва... Снизь-ка скорость, Рипсу, посмотрим, где можно найти деревья, обросшие лишаем! Для меня есть в ранце бутерброды, но тебе следует найти пищу здесь в тайге... У оленя провизия на пути, сказал Матти-Олень...

Вот Пóрккауsóя. Насколько я помню карту, это ответвление реки Ала-Лиéсийóки. Оно впадает в Кíтинен, и мы едем как бы вверх по течению. Здесь мы и остановимся».

Антери с силой натянул вожжевой ремень, и Рипсу повернулся поперек направления движения. Он остался стоять на месте, он знал, что это был сигнал к остановке. Олень ровно и сильно водил боками, но не задыхался. Он хватал губами снег. Ему хотелось пить.

Антери подъехал к нему и похлопал его по шее. Он вытащил тяговую веревку у него между ног и совсем отцепил ее. Затем он привязал конец вожжевого ремня к дереву. Поблизости было много деревьев, обильно покрытых лишаем. Антери не составило труда сбить пучки лишая на снег, собрать их и принести Рипсу столько, сколько он мог съесть за раз.

Тут же неподалеку был смолистый пенек. Антери достал из рюкзака топор, настругал с пенька щепок и поджег. Пламя жадно охватило пахучие щепки, а затем и весь пенек. Вверх поднялся черноватый столб дыма, но от малейшего дуновения ветра он отклонялся то в одну, то в другую сторону и оведал сладковатым запахом мальчика и оленя... Костер тут, конечно, был не нужен, подумал Антери. У него не было ни что варить, ни в чем варить. Но Рипсу должен был спокойно поесть и, наверное, отдохнуть после еды, пожевать жвачку. Они проведут здесь часа два, а в таком случае все же приятно, если горит костер.

Антери любил живой огонь. Свет газового фонаря у них дома был хотя и яркий, но какой-то холодный. Антери задумался, понравится ли ему когда-нибудь электрический свет. Конечно, как рассказывали, с ним было чище, удобнее и практичнее, но пока что у него были связаны с электричеством одни только неприятные переживания. Костер на смолистом пне, и костер из двух уложенных параллельно бревен, да еще — почему бы и нет? — костер позади — все это, казалось, Антери было знакомо и безопасно.

Правда, сегодня в это время было так светло, что костер был едва виден. Однако дым и его запах говорили о том, что смолистый пень горит как положено. Костер давал также и тепло.

Солнце пригревало. Оно стояло над южной оконечностью сопки Кóйталайстунтури, там, откуда они пришли. Антери знал, что был полдень.

Глава двенадцатая

Он принес охапку еловых веток, соскочил с лыж и вытоптал в снегу близ костра небольшое углубление. Он уложил ветки по краям углубления и сел на них. Затем достал из рюкзака сверток с бутербродами и приступил к еде. Одновременно он смотрел на карту, отыскивал на ней названия мест и определял маршрут последней части своего путешествия. Мысли вольно

бродили в голове, и он мог рассказывать про себя услышанное, прочитанное и пережитое.

«Отсюда путь должен быть легким. У южной оконечности массива Койтелайнен на открытой болотистой низине стоит группа островов — что тут написано? Вересковая пустошь Кйуруйпя и остров на болотистой низине Кёйккумаапа... Что означают эти названия? Прямо-таки кажется, будто они хотят рассказать какую-то историю. Известна ли она Матти-Оленю? Пойду к нему с картой, как только вернусь из этого путешествия...

В газете недавно было сообщение, что здесь, на Койтелайнене, росوماхи задрали оленей. Полагают, что при этом было и двое волков... Я видел росوماху и волка только на картинках. Могут ли они быть тут, в этих сопках? Кто знает, может, они глядят сюда с какого-нибудь склона и облизываются, видя Рипсу. Но я не отдам Рипсу росوماхам. У меня есть топор... да к тому же росوماха не осмелится показаться человеку. Другое дело волк... Было бы замечательно добыть росوماху и получить вознаграждение за нее от общества оленеводов. А убить волка еще замечательнее. Но без ружья их не убьешь. Есть ли у отца с собою ружье?..

Там за сопками Койтелайнен большая река Луйройоки. Она протекает по тем местам, где остался наш старый дом. Там наверняка есть хорошие места для заброса сетей, она и на карте такая широкая. Но отец сказал, что, как он слышал, рыба, пойманная ниже плотины, невкусная. Это опять недостаток, о котором никто заранее не рассказал.

Может быть, пора отправляться? Который час?

Часов нет, но посмотрим на компас. Два градуса — это примерно час. Солнце стоит приблизительно на три градуса к северо-западу от южной отметки. Значит, сейчас примерно половина второго... Но что там думать о времени! Сейчас пасхальные каникулы и мы в тайге, здесь нечего думать о часах, а только о восходе и заходе солнца. К тому же Рипсу еще лежит. Пусть полежит, ему еще предстоит путь... Давай измерим... Масштаб карты один к ста тысячам. Значит, в сантиметре один километр. Длина спички пять сантиметров. Одна, две

и еще чуть-чуть. Значит, десять километров с хвостиком. Это подходяще. Надо только попасть с первой попытки в этот промежуток между кряжами Кáйтасёлкя и Кáринсёлкя. Оттуда берет начало какой-то безымянный приток реки Виувалойоки. Если следовать по нему, волей-неволей выйдешь к основной реке. А потом открытая болотистая низина. Будет просто чудо, если я не увижу оттуда сигнальный костер отца...

Гляди-ка, Рипсу встал на ноги. Почему он смотрит на Кой-телайнен и так раздувает ноздри?

Судя по дыму, ветер дует оттуда. Наверное, Рипсу учуял что-нибудь особенное. А может, там и в самом деле притаилась росомаха? Или волк? Лучше уйти отсюда...»

Антери завязал рюкзак, вскинул его на спину, встал на лыжи и подошел к оленю. Он заметил, что арканная веревка, которой заканчивалась тяговая, натерла Рипсу шею и лопатки, хотя была сложена втрое... Аркан был куплен на отцовские деньги по мерке и указаниям Матти-Оленя. Он был сделан из просмоленной норвежской пеньковой веревки длиной более двух старых сажень и точно подогнан. На нем была арканная кость, или киёла,— приспособление с двумя отверстиями, сделанное из роговой кости оленя. В одном отверстии был закреплен аркан, в другом, более широком, свободно скользила веревка, когда ею заарканивали оленя. Антери никак не думал, что бы когда-нибудь...

Что делать? Если тонкая и жесткая веревка будет впредь натирать шею оленю, она может причинить ему боль, и Рипсу откажется бежать.

Надо было что-то придумать.

Антери вспомнил, что у него был мягкий шарф, которым мать утром насильно обмотала его шею. Он снял его и повязал вокруг шеи оленя. К нему он, в свою очередь, привязал арканную веревку — теперь можно было отправляться в путь. Оставалось только протянуть тяговую веревку между ног Рипсу, взглянуть на компас и точно определить положение солнца по отношению к маршруту.

«Поезжай на олене»,— напевал Антери. Для более длинных арий у него не было времени, так как все его внимание

уходило на то, чтобы устоять на лыжах и выдерживать направление.

В одном месте у северной оконечности сопочного массива Койтелайнен Рипсу остановился и упорно пытался взять влево. Антери удивился, но потом увидел вдали ряд темных, неопределенных бугорков. Он заставил Рипсу подъехать поближе, остановил его и привязал к дереву, а сам подъехал к бугоркам метров на сто.

Это были олени, убитые олени. Тут, на окраине болотистой низины, их было пять, в лесу, возможно, были другие. Их глотки были перерваны, лодыжки задних ног были страшно искусаны и некоторые объедены.

«Неужели это сделали росوماхи?» — раздумывал Антери. Но росوماха убивает свою жертву чаще всего в лесу, терзает лопатки и бока, кусает оленя в зашеек, он это знал. А эти трупы животных были на болоте, и олени умерли оттого, что у них были перекушены шейные артерии. На снегу остались длинные кровавые следы.

Так, значит, волк? Или несколько волков?

«Хорошо бы, здесь был отец!» — подумал Антери.

Он подъехал к следующему трупу оленя и внимательно осмотрел снег. Наст был такой твердый, что на нем не было видно никаких следов, которые он мог бы описать отцу. Он вернулся к Рипсу и подготовил его к дальнейшему пути.

Он пустил его быстрым бегом.

Глава тринадцатая

Отец и сын встретились в Виувалонвоса, как и договаривались. Отец развел там большой дымный костер. Погода была тихая, и столб дыма поднимался вертикально и долго не расходился. Антери увидел его уже с болотистой низменности Вйувалоаапа, за кряжем Кайтаселкя. Когда он проскользнул на север от него и помчался на восток вдоль по Вйувалобя — большому притоку реки Виувалойоки, тут уже не могло быть никакого сомнения. Отец все же вышел на окраину болотистой низменности и озабоченно осмотрелся. При нем было ружье,

с удовлетворением отметил Антери. По-видимому, отец уже намеревался давать сигнальные выстрелы, если бы Антери не появился вовремя.

— Ты справился,— с довольным видом сказал отец.— Ты дал Рипсу отдохнуть, ведь ты так быстро доехал?

— Конечно,— ответил Антери. Он открепил тяговую веревку и привязал оленя к дереву.— На западной окраине Койтелайнена, как и было сказано... Там лежат трупы оленей.

— Что скажет мать, когда узнает, что связанным ею шарфом обмотали шею оленя,— сказал отец, как будто не слышал замечания сына.

— Там трупы оленей,— повторил Антери.— Я видел их пять штук. По-видимому, волки. По крайней мере два.

— Нет...

У отца уже была готова еда. Зачерпывая ее ложкой, Антери подробно рассказывал о своих наблюдениях... Хотя отец и не был оленеводом, он все же знал, что им следует сделать. Им надо вернуться тем путем, где лежат мертвые олени, сказал он. У оленей следовало отрезать уши, и сделать это нужно было так, чтобы кожа между ними держала их вместе. Пары ушей следовало показать какому-нибудь оленеводу, и тогда по меткам на них станет ясно, о чьей собственности идет речь. На основании меток на ушах и показаний нашедшего их потерпевший убыток оленевод может просить у государства возмещения за ущерб.

«Это хорошо знать на будущее»,— подумал Антери.

Как ни странно, отец не говорил ни о росомах, ни о волках, но Антери заметил, что он проверил, заряжено ли ружье, и переложил целую коробку патронов в нагрудный карман своей куртки. Точно так же Антери заметил, что отец держит ружье под рукой и время от времени посматривает на болотистую низину, открывающуюся на севере и на западе. А когда они немного спустились отправились к реке спускать сети под лед, отец посоветовал взять Рипсу с собой.

Теперь Антери мог видеть, как ставят сеть, когда место ловли покрыто толстым льдом.

Сперва отец нашел на берегу прямой и длинный, толщиной

в руку шест. Вдобавок к нему он принес на лед две березовые жерди с разветвленными вершинами и еще одну, у комля которой остался сук, так что жердь могла служить своего рода крюком.

Затем достали моторную пилу. Ею отец сперва вырезал во льду довольно большое, чуть продолговатое отверстие. От него по течению реки он сделал еще отверстия, тоже продолговатые, но более узкие, чем первое, и более длинной стороной поперек реки. Отверстия образовали прямой ряд, и расстояние от одного до другого было чуть короче длины шеста. Антери служил при этом мерщиком, перетаскивая жердь от одного отверстия к другому. Наконец, когда длина всего ряда отверстий стала равна длине сети, отец проделал во льду последнее отверстие, как и первое, расположенное продолговатой стороной по течению.

Затем отец достал из саней моток веревки. Это была покрытая пластиковой оболочкой веревка для сушки белья; Антери показалось, что это веревка его матери. Веревку привязали к тонкому концу шеста и шест столкнули под лед в первое отверстие. Антери получил задание пойти к следующему отверстию, заметить, когда конец шеста покажется из-под льда, и прихватить его жердью с крюком. Придерживая шест крюком и проталкивая его дальше жердями с разветвленными верхушками, они провели шест до конца ряда отверстий. Из последнего отверстия шест подняли на лед и отвязали от него веревку.

Таким образом, веревка оказалась подо льдом от первого до последнего отверстия. Они взяли сеть и один ее конец привязали к веревке. По мере того как отец потравливал в первое отверстие сеть с палки, на которую она была намотана, Антери у последнего отверстия выбирал веревку на лед.

Так оно и шло, пока отец не крикнул, что уже держит в руках конец сети и протягивание можно закончить. Оба конца сети привязали к положенным поперек отверстий жердям, чтобы она не ускользнула. Отец попробовал еще, чтобы она была в меру натянута подо льдом, не слишком туго, но и без слабину. У сети должна быть возможность опуститься на дно и стоять прямо, сказал отец.

— Если сеть слишком натянута,— объяснял он,— то, во-первых, рыба в ней будет хуже запутываться, а во-вторых, поплавки на ее верхней веревке будут касаться льда снизу и могут примерзнуть к нему, если ночь выдастся морозная. Как тогда проверишь сеть и вытянешь ее из-под льда? Не иначе как пробив щель во льду по всей длине сети... Поплавки могут зацепляться за лед также тогда, когда глубина реки меньше высоты сети. Поэтому при рыбной ловле зимой всегда следует убедиться заранее, что на месте лова достаточно воды. В этом месте реки ее достаточно. Я знал эту реку еще до постройки водохранилища, а теперь вода в ней явно поднялась по сравнению с прежними временами...

До наступления сумерек они успели спустить под лед еще одну сеть. Но затем уже пора было возвращаться в Виува-лонвоса, искать сосну для ночного костра и разбивать лагерь.

На поиски сосны ушло не много времени: отец уже рассмотрел ее, ожидая днем сына. Свалить и разрезать ее на бревна, годные для костра, тоже удалось легче, чем осенью,— моторная пила в опытных руках отца входила в дерево, словно горячий нож в масло. Все же работы хватало и для Антери. Ведь надо было привязать в подходящем месте Рипсу и обеспечить его на ночь пищей.

О том, где устроить Рипсу на ночь, у них вышел целый разговор. Антери хотел привязать Рипсу со стороны леса в подходящем месте. Он полагал, что там он будет лучше защищен, в случае если ночью поднимется ветер или пойдет снег. Но отец сказал, что оленю следовало бы находиться со стороны болота, так, чтобы его было видно из укрытия.

— Почему? — спросил Антери.— Там даже нет елей, под которыми он мог бы укрыться. Может пойти снег и...

— В первую ночь снега не будет,— сказал отец.— А холод оленю не страшен. Я хочу защитить его от всего прочего.

Антери показалось, что он догадался, почему оленя поместили там, где советовал отец, и что тот имел в виду, говоря о его защите. Но он ничего не сказал, собрал с росших на краю болота деревьев пучки лишая и насыпал его изрядной кучей

перед Рипсу. Затем принялся по указаниям отца хлопотать о том, чтобы устроить в лагере хороший ночлег.

Эти хлопоты уже сделались для него привычными. Но все же в них было и кое-что новое по сравнению с тем, как они располагались лагерем осенью. Теперь надо было вытоптать в снегу углубление во всю величину дна брезентовой палатки и постараться выбросить самые большие комья снега на края углубления. Место для сна надо было выстелить хвойными ветками толще и тщательнее. Костер был устроен теперь ближе и выше, чем осенью, и его зажгли до того, как улеглись в укрытие.

— Почему так? — спросил Антери.

— Видишь ли, еловые ветки и иголки покрыты льдом, — объяснил отец. — На них еще есть замерзший снег, хотя мы и постарались счистить его. Хвойные ветки должны оттаять, согреться, и просохнуть, прежде чем мы ляжем на них... Может быть, ты устал?

— Нет, не очень...

Они поужинали вне укрытия, и лишь после этого отец достал из саней спальные мешки и расстелил так, чтобы их согрел огонь костра. Он выбрал себе место со стороны болота, и Антери заметил, что он положил ружье так, что его можно было сразу достать рукой.

Синие вечерние сумерки начала апреля перешли в темную ночь, и над болотистой низиной из-за лесов на той стороне ее взошла луна. Наступила морозная ночь. Днем под лучами солнца стволы деревьев с южной стороны оттаяли, но теперь замерзли вновь. Там и сям слышались сильные удары дубины мороза. Вообще же все было тихо.

Если не считать лагеря. Там слышался ровный шум горящего костра и потрескивание обугливающегося дерева.

Отец дышал ровно. Спит ли он?

Антери сел на ветках и взглянул поверх костра на своего питомца на краю болота. Рипсу тоже лежал... Еще недавно у Антери было отчетливое предчувствие, что этой ночью должно что-то произойти. Теперь это чувство ослабло, почти исчезло. Утомление дня ощущалось в руках, спине, ногах, сон смежал веки.

Он лег на мягкие ветки и затянул доверху «молнию» спального мешка. Он слышал запах хвойных веток. Ближние деревья, видимые сквозь теплую дымку, подымавшуюся от костра, казалось, трепетали, и он подумал в полусне, что хорошо все-таки знать объяснение этому явлению.

Он не заметил, как погрузился в сон.

Глава четырнадцатая

Раздались два выстрела...

Мягкий хлопок из дробового ствола и тотчас вслед за ним резкий, пронзительный свист пули.

Прежде чем Антери, вздрогнув, раскрыл глаза, а на это ушли какие-то мгновения, он знал, что произошло. Он подскочил и сел в спальном мешке, отчаянно пытаясь нащупать замок «молнии». Пальцы никак не могли ухватить его... Отец стоял рядом в укрытии, мешок отца лежал на подстилке... Антери видел только ноги отца, но слышал, как тот перезаряжает ружье.

Рипсу скакал и метался на ремне на краю болота... А может, это были фокусы теплого воздуха, поднимающегося над костром, и он, Антери, видел то, чего не было на самом деле? Нет, Рипсу и впрямь скакал и бегал туда и обратно, насколько ему позволял ремень. Сверху слышался голос отца, он что-то бормотал сквозь зубы. Как будто проклятия. Затем послышался резкий щелчок, и Антери понял, что ружье вновь заряжено и замок закрыт. Не успел он оглянуться, как вновь грянул двойной выстрел.

Отец переломил ружье, и дымящиеся гильзы, отлетев от брезентовой стенки, упали на хвойные ветки.

— Что случилось с этим ружьем? — ругался отец. — Я как будто заряжал его волчьей дробью, а получается вот что. Уж казалось бы, такие умники, а сами не могут даже сделать дробовой заряд... А пулевой ствол! Ведь я умел раньше стрелять.

Чего это отец так разошелся? Антери не видел, по кому можно было бы стрелять...

— Черти! Хотели утащить Рипсу!..— сказал отец.— Бедный олешек... Все-таки они успели убратся. Нет, ни за что не поверю, чтобы я не попал в них. В одного или даже в обоих. Давай-ка посмотрим...

Отец надел сапоги, а Антери наконец-то нащупал замок «молнии». Он вылез из спального мешка и тоже нашел свою обувь. Он заметил, что луны не было и восточный небосклон алел от лучей восходящего солнца.

— Я угадал! — крикнул отец, разглядывая снег.— Иди посмотри, сын! Эгей, ты уже проснулся? Надевай башмаки и беги сюда! Захвати с собой электрический фонарь, он в боковом кармане рюкзака... Лыж не надо, наст выдержит хоть лошадь...

Антери нашел электрический фонарь и поспешил к отцу. Конус света ярко осветил то, что и без того было видно: кровавые следы. Темные капли и брызги там и сям на большом пространстве. В одном месте они сплывались в полосу, к тому же в довольно густую полосу, уходившую на восток через Виувалонвоса.

— Я попал точно,— сказал отец.— Я уж удивился, что стрелял так плохо и не сбил ни волоска... Ну, а второй? Их было двое. Пойдем-ка посмотрим, неужели второй отделался без царапины. Он был дальше.

— Кто это был? — спросил Антери.

— Кто? Ведь ты же сам рассказывал мне вчера вечером, кто свирепствует здесь в междуречье. Тогда я немного сомневался, а теперь больше не сомневаюсь. Это были волки, хотя и странно. На этих возвышенностях и так далеко от восточной границы их не видели десятки лет... Они хотели схватить Рипсу.

Отец и сын вернулись обратно и прошли мимо укрытия Рипсу к окраине болота.

— Смотри-ка, и этот задет! — воскликнул отец.— И вдобавок ко всему сильно — с нашей точки зрения, хорошо. Достань топор из укрытия. И оставайся рядом со мной. Он не мог далеко уйти.

Антери сбегал в лагерь и принес топор. У него, как и у

отца, не было рукавиц на руках, но в эту напряженную минуту утренний мороз не ощущался.

— Не будем торопиться,— понизив голос, сказал отец.— Пусть рассветет, тогда увидим получше... Этот второй подкрался лесом, а тот отсюда. Они почти обложили Рипсу. На одном направлении был наш лагерь, на двух других волки. Только один путь был свободен: на север. Там опять открытая болотистая низина на много километров, и они рассчитывали, что там-то они и смогут вцепиться Рипсу в горло. Они хитрые. Но на этот раз они ошиблись.

— А почему они убивают больше, чем им нужно? — спросил Антери.— И росомахи тоже так делают. Так говорил учитель и Матти-Олень.

— Почему мы убиваем осенью больше птиц, чем нам нужно

на один раз, помнишь? Почему мать покупает в лавке больше еды, чем нужно на один день? — в свою очередь спросил отец. — Что касается росомахи, то у нее сейчас где-то есть дети. Росомаха-мать должна кормить их и заботиться о них, и когда они подрастают, им нужно приносить пищу. По крайней мере, во время кормления молоком ей нельзя делать слишком долгие вылазки для добычи пищи. Тогда для росомахи хорошо, если поблизости есть убитые олени. И чем больше, тем сытнее в желудке... Посмотри на снег!

Антери увидел, что по краю болота тянется почти сплошная темная полоса.

— Когда мы найдем его, он, по-видимому, будет уже мертвым, — сказал отец. — Такой потери крови не вынесет и волк... Вот!

Вот тут он и был, убийца оленей. У маленькой ели на краю болота. Мертвый?

— Он шевелится. Или я плохо вижу? — пробормотал отец. — Он лежит на лапах, и его голова повернута в нашу

сторону. Во всяком случае, он знал, откуда за ним придут. Оставайся здесь, сын, и держи топор наготове. Я зайду сбоку и выстрелю в него на всякий случай. О зверях никогда нельзя знать, что они могут сделать, а я никогда не встречался лицом к лицу с волками. Так или иначе, шкура этого волка наша, никуда она не денется.

Отец отошел на несколько шагов в сторону, присел на корточки и выстрелил с расстояния тридцати—сорока метров из пулевого ствола. Резкий звук выстрела докатился до противоположной окраины низины и эхом вернулся обратно.

Дернулся ли зверь? Приподнялся ли он на лапах и вдруг вновь опустился на землю? Во всяком случае, теперь он уже опоздал, если намеревался бежать. Этому волку уже никогда не придется убивать.

— Ура! — крикнул отец. — День начался удачно. И ты тоже был мне удачливым спутником, сын. Осенью, когда мы ушли в лес, мы добыли вон сколько птицы, а дедушка дал нам рыбы. А теперь это... Понимаешь ли ты, что означает этот волк для нас и для многих других? Наверное, не понимаешь... Я объясню. Во-первых, мы получим вознаграждение. Его заплатит государство и, может быть, местное общество оленеводов. Это большие деньги. Я не удивлюсь, если местные оленеводы подарят нам оленя или двух в качестве чрезвычайной награды... А потом еще эта шкура. Попробуем снять ее умело, вместе с когтями, ушами, кожей на морде и хвостом. Когда мы обработаем ее, мы получим за нее хорошие деньги от какого-нибудь туриста или здешнего отеля для приезжих — а то оставим ее себе. Только что нам с ней делать?.. И еще: это, кажется, волчица. У волчиц только что прошла течка, и этот зверь через девять недель принес бы четырех, а то и восьмерых детенышей. Будущей зимой в наших местах по меньшей мере охотилось бы десять кровожадных зверей. Страшно подумать, что это означало бы для оленеводства... И слушай, мы возьмем голову этого зверя с собой. Когда мы выварим и очистим ее, она будет прекрасным сувениром, напоминающим об этой охоте. Может быть, кто-нибудь польстится купить ее за хорошую цену...

Они потащили добычу в лагерь, отец за одну лапу, сын за другую. Обычно немногословный, отец говорил и говорил, рассказывал о том, что знал, и время от времени смеялся от радости.

— По крайней мере, два заработка за одну минуту! — несколько раз повторил он.

Рипсу скакал и метался, когда ветер доносил до него волчий запах, но когда Антери подошел к нему, похлопал и успокоил его, он уgomонился и взял в рот пучок лишая. Но еще долгое время он был насторожен и осматривался по сторонам.

— Ну, а теперь сварим крепкого кофе, сын! — сказал отец. — Мы это заслужили. Потом будем снимать шкуру и, когда управимся, пойдем проверять сети... А еще знаешь что: я отправлюсь на лыжах за волком-самцом. Он ранен и, очень может быть, остался где-нибудь оправляться от ран. Если его раны серьезны и особенно если он ранен в живот, его должно лихорадить. И может статься так, что его удастся захватить врасплох на лежке. Собственно говоря, хорошо, что мы не погнались за ним сразу. По такому насту ни один лыжник не догнал бы его, если бы он надал ходу. А теперь он лежит где-нибудь тут, поблизости, и время работает на меня... Если б только он направился на Койтелайнен! Очень может быть, эта волчья пара рассчитывала устроить там логово...

Кофе был черен, как деготь. Для Антери, который не очень привык к этому напитку, он был слишком крепок. Он сказал об этом отцу, но тот только рассмеялся в ответ:

— Хо-хо, сын! Тебе непременно надо привыкать к крепкому кофе, если ты рассчитываешь стать оленеводом. Лучшие оленеводы варят такой кофе, что в нем стоит ложка... Ну, шутки в сторону. Положи в него немного снегу, так он заодно и остынет.

У них были приготовленные матерью бутерброды и булка, которая, правда, замерзла. Острым ножом все же можно было отрезать от нее куски, и, когда кусок натыкали на щепку и отогревали у костра, хлеб был как только что вынутый из печи.

Когда они наелись и вычистили куксы, отец сказал:

— Ну что ж... Остер ли нож? Если нет, дай мне, я сперва поточу. У хорошо снаряженного таежника, сын, есть при себе точильный камень.

И чуть погодя:

— Подержи-ка здесь, чтобы сподручней было снять шкуру, вот так... Хо-хо, это денежная работа, сын.

Глава пятнадцатая

Прошло два часа — возможно, довольно долгое время, если учесть проворство отца в других таежных делах, но шкура волка была снята по всем правилам искусства. На шкуре был сохранен каждый коготь, оба уха, а из хвоста вынуты все кости. Голову волка отрезали, как условились. Антери все время помогал при снятии шкуры и запоминал все тонкости и приемы этой работы. Таким образом от этого зверя, возможно, было больше пользы, чем от денег, который принес удачный выстрел в утренних сумерках.

Они оттерли руки от крови мягким снегом, находившимся под коркой наста. Это было холодное, но единственно возможное умывание, и потом руки можно было отогреть у костра. Внезапное тепло доставляло одновременно и боль, и удовольствие. Еще недавно мерзшие руки стали приятно согреваться, начали краснеть, и казалось, что никаких рукавиц больше не надо, какой бы ни был мороз...

Рукавицы, конечно, были нужны. Они понадобились, когда отец и сын отправились на реку проверять сети. Рипсу тоже взяли с собой. Отдохнувший за ночь, он был настроен бодро, проносился мимо лыжников по искрящемуся на утреннем солнце насту и поднимал на бегу такие вихри, что на глаза навертывались слезы. Отец тоже рискнул прокатиться, прицепившись за Рипсу. По пути к Виувалойоки их ехал целый поезд: сперва Рипсу с раздутыми ноздрями, за ним трехметровая тяговая веревка, за конец которой держался Антери, затем опять веревка в несколько метров, потом отец, вытирающий слезы с глаз, а за ним легкие лопарские сани, раскачивающиеся и подскакивающие на неровностях наста.

— Вот это да! — сказал отец, когда они доехали до того места, где были поставлены сети. — Никогда бы не поверил, что он такой сильный. Ведь на таком насте Рипсу может поспорить с хорошими мотосанями... Оленеводы рассказывают, что на хорошем олене и на хорошем насте можно проехать за день и сто, и двести километров, но я считал такие истории плодом воображения. Возможно, следует пересмотреть свою точку зрения...

Накануне днем они прикрыли оба крайних отверстия во льду пластиковой пленкой. На пленку набросали снега, чтобы вода в проруби не замерзла. Теперь им оставалось только сдвинуть пленку в сторону вместе со снегом — и перед ними были незамерзшие проруби. Антери стал у одного конца, взялся за шест и приготовился травить веревку. Отец подошел к другому отверстию, потянул за кол, на который наматывают сеть, и взялся за верхнюю веревку сети.

Это был напряженный момент. Есть ли в сети рыба?

Отец стоял на коленях на краю проруби. По обычаю всех рыбаков он медлил в решающую минуту и с секунду держал сеть чуткими пальцами, чтобы узнать, бьется ли в ней рыба. Затем поднял голову и крикнул сыну:

— Есть, есть! И если не обманывают приметы, то большие. Слушай-ка, уложи веревку на льду так, чтобы она могла разматываться сама по себе, а сам иди сюда! Мне сейчас понадобится помощник, чтобы выпутывать рыб... Привяжи конец веревки к поперечной жерди, чтобы он не ускользнул в воду.

Антери сделал, как ему было велено, и поспешил к первой проруби. Там уже билась на снегу выпутанная из сети щука килограмма на два.

— Здоровенная, что и говорить, — сказал отец. — А там идет еще. Ну и большущая же рыбина!

Это была тоже щука, и в самом деле очень большая.

— Килограмма на четыре, я думаю, — сказал отец, когда рыбу отпутали от сети. — На первых пяти метрах сети шесть килограммов. Если и дальше так пойдет, нам будет трудно доставить их домой.

Рыба продолжала идти. Улов был равномерный и обильный

по всей длине сети. Попадались по большей части щуки, но также жирные сиги, большие форели, налимы. Груда вначале бьющихся, но скоро цепенеющих на утреннем морозе рыб у края проруби была чудовищно велика.

— Двадцать пять килограммов,— сказал отец.— Это по самой малой мере. И это только начало... Собственно говоря, такая куча рыбы немного смущает меня, но что поделаешь. Это грабеж, а не разумное использование рыбных богатств, вот разве только эти разбойницы щуки заслужили такую участь. Но я оправдываю себя тем, что наука грабежа пришла в нашу тайгу из других мест. Нечего и сомневаться, что если не я, так кто-нибудь еще взял бы этих рыб.

Отец сегодня был чрезвычайно говорлив. Антери подумал про себя, слышал ли он за всю свою жизнь столько слов от отца, сколько за нынешнее утро. А отец продолжал:

— Так неправильно рассуждать, сын, и прежде так не рассуждали. Но когда леса вырубает подчистую ради выгоды и эта выгода уплывает в другие места, то надо и у нас вырабатывать новый способ отношения к присвоению. Как же так? Огромные площади земли затопляют ради денег, в стремлении к наживе, переселяют людей и целые их группы, не спрашивая мнения у несогласных, по крайней мере тогда, когда несогласный находится в уязвимом положении! Когда это делают постоянно, из десятилетия в десятилетие, просто чудо, что даже самые глупые головы ничему не учатся... В старину говорили: «За труды и счастье дается». Эта истина верна и теперь, это точно. Но тогда было бы справедливым, чтобы счастье давалось одновременно всем, кто живет на нашей земле. Ну да хватит об этом, давай-ка снова поставим сеть. Иди к другой проруби и начинай тянуть.

Немного погодя, когда сеть была опять подо льдом и они собирались отправиться к следующей, отец сказал:

— Забудь все, что я сейчас говорил, сын. Твой отец лишь излил то, что накопело у него на душе, и пытался разрешить сомнения, которые и люди более мудрые не могут разрешить, хотя и пытаются. Ты молод и должен видеть будущее светлым, чтобы идти к нему... Мы сидим в одной лодке, и никто не

хочет, чтобы она перевернулась. Если иногда бывают неумелые гребцы и они сидят на веслах, их сменяют. И еще несомненно то, что и плохой гребец учится, когда приспееет нужда... И наш улов все-таки не грабеж, хотя и большой. Мы добыли его не с целью обогащения, это просто хлеб наш насущный. Мы сами съедим эту рыбу, мать, ты и я. А еще поделимся с Матти-Оленем. Если улов во второй сети будет хорош и если новые проверки сетей завтра дадут нам еще, мы будем с рыбой на все лето.

Они подошли ко второй сети и проверили ее. В ней было примерно столько же рыбы, как и в первой, и тех же пород. Маленькие сани отца наполнились рыбой почти до краев. Они протащили их на какое-то расстояние вниз по реке, пробили прорубь и разделали рыбу. Было бы глупо везти домой головы и внутренности, негодную в пищу часть добычи, составлявшую треть того, что они подняли из-под льда.

Работать было холодно, руки заоченели. Рыбы частью уже застыли, на них намерз снег. Когда Антери пожаловался, что у него замерзли руки, отец сказал:

— Согрей их!

Антери в удивлении посмотрел на отца. У них не было костра на берегу, означало ли это, что руки, все в слизи и крови, надо было сунуть в рукавицы или в карман?

— Рыболов зимой греет руки в проруби,— сказал отец и опустил руки в воду.— Попробуй! Видишь ли, на льду сейчас около десяти градусов мороза, но температура воды, конечно, выше нуля, раз она в жидком состоянии.

Антери подошел к проруби и сделал так, как ему было сказано. Особенно теплой вода не казалась, но, конечно, она была теплее снега и воздуха над ее поверхностью. Холод все же сковывал пальцы, и разделять рыбу было неудобно.

— Да, эта прорубь не ахти какой согревающий аппарат,— сказал отец.— Вот кончим работу, разведем небольшой костер, тогда и согреем руки и наденем на сухие руки рукавицы... Но эту рыбу надо разделить сейчас. Если бы дома у нас был холодильник, тогда другое дело. Мы могли бы заморозить рыбу здесь и положить ее в холодильник. Рыбу пришлось бы чистить

только тогда, когда ее брали бы для варки. Но у нас нет электричества.

— Мать часто говорит об электричестве,— сказал Антери.

— Это так... Послушай-ка, что ты думаешь, если бы мы купили ту избушку, в которой живем сейчас? У нас есть сколько-то денег — те, что мы получили за наш старый дом, и мы попробуем зажить домашней жизнью. Кто знает, может, и у нас будет когда-нибудь электричество. И холодильник, в котором хранят убитую птицу и улов рыбы... Мать наверняка будет довольна.

— Я согласен,— ответил Антери.— Все равно мы уже никогда не сможем вернуться в наш прежний дом.

— Не сможем. И я не знаю другого места, куда бы мы могли переселиться,— сказал отец.— Здесь все-таки есть знакомые рыбные места и охотничьи угодья. Правда, далековато, но все же... Дедушка не соглашается бросать места, близкие к нашему прежнему дому, и конечно, мы можем обосноваться там, где сейчас живем. Мы не уедем из Лапландии. Или как?

— Не уедем! — твердо ответил Антери.

— По рукам! — сказал отец.

Отец и сын ударили по рукам. Это произошло над дымящейся прорубью на утреннем морозе, и их руки были красны от холода и грязны от рыбьих потрохов.

Глава шестнадцатая

Когда они пришли на место стоянки, отец стал сразу собираться в погоню за раненым волком. Он осмотрел маленький легкий рюкзак Антери, удлинил его лямки и вскинул на спину.

— Сойдет,— сказал он.— Можно попользоваться им на время?

Он положил в рюкзак бутерброды, кусок соленого свиного сала, банку мясных консервов, кофе и сахар.

— С этой провизией я проезжу два, а то и три дня,— сказал он.— Таежник не умирает в тайге, пусть даже у него кончатся домашние припасы. Если только при нем есть ружье

и он не разучился стрелять. И даже без этого. Но тогда приходится отказываться от главных целей.

— Неужели ты в самом деле собираешься проехать три дня? — удивился Антери. — А мне что делать тем временем? И почему ты не берешь с собою кофейник?

— Не все вопросы сразу, сын... Ведь у меня есть банка консервов. Когда она опустеет, в ней можно сварить что угодно. И весит она не много... Я буду ездить день, два или три, я еще сам не знаю... А что ты будешь делать тем временем? Мне кажется, что мы не встретимся больше на этой стоянке, и тогда у тебя хлопот полон рот.

— Как так? — удивился Антери.

— Посмотри на солнце! — сказал отец. — Видишь, оно обведено кругом. Мне кажется, прошлой ночью я заметил круг и вокруг луны, но не уверен... Наступает перемена погоды, и это надо принять во внимание, раз мы находимся в такой глуши.

Отец секунду подумал, взглянул на сына, оленя и сказал:

— Если я завтра утром не вернусь, вы с Рипсу должны отправиться домой... Сделаем так: я перед своим уходом свалю сосну для костра, отнесу ее и возьму топор с собой. Ты проведешь день здесь на стоянке, отдохнешь и накормишь Рипсу, чтобы он был в силах завтра. Рано утром сходишь на реку и соберешь сети. Рыб не надо ни отцеплять, ни потрошить, положишь их просто на дно саней.

— А будет у меня время заняться чем-нибудь еще? — спросил Антери.

— Времени, наверное, не будет. Как я уже сказал, погода меняется. Может наступить оттепель, и твердого наста не станет, может быть сильный снегопад, и это затруднит возвращение. Но все говорит за то, что будет лесосев.

— А что это такое? — спросил Антери.

— Это весенняя метель, — ответил отец. — Быть тогда в тайге не следует, и особенно трудно двигаться. Лесные звери стремятся спрятаться в свои норы, а дальновидный таежник — укрыться где-нибудь, если не успевает вернуться домой.

— У нас здесь хорошая стоянка, — заметил Антери. — Бре-

зент и все такое прочее. И сосны вокруг. Я, конечно, смогу перепилить сосну, если у меня останется моторная пила. Ведь я пилил ею дома.

— Верно, но это неподходящее место на случай метели,— сказал отец.— Болотистые низины на много километров вокруг. К тому же весенняя метель длится двое суток, а то и дольше. Надо все-таки стремиться попасть домой и поэтому отправиться, не медля больше, чем необходимо. Ты мог бы отправиться уже сегодня, но ты не успел бы добраться до дому до наступления темноты. Судя по всему, буря разразится только завтра к вечеру.

— А почему ее зовут лесосевом? — спросил Антери.

— Это старинное название, и в нем раскрывается целесообразность природы, которую подметил человек,— сказал отец.— Видишь ли, сейчас прекрасный настовый путь, ты и сам это знаешь. Болотистые низины и болота ровны, и поверхность снега в лесу тоже твердая. И деревья тоже подметили это обстоятельство еще до того, как здесь появились люди. Деревья приготовили семена к прорастанию именно к этому моменту. То есть семена созрели под чешуйками уже раньше и были готовы к прорастанию уже осенью. Но только теперь чешуйки раскрылись солнечным лучам. Семена падают на наст сами собой, но особенно много их падает, когда дует сильный ветер. Метель развеивает их по твердому насту по всей земле... Вначале была смена времен года и различная погода, потом появился растительный мир, деревья, растения приспособились к погоде. Последним пришел человек — и ему тоже надо приспособливаться, по крайней мере у нас в Лапландии. Ты должен отправиться домой как можно раньше утром, чтобы успеть попасть в укрытие до начала метели или по крайней мере до того, как она разыграется вовсю... Сумеешь ли добраться до дому?

— А как же ты, отец? — спросил Антери.

— Уж я-то не пропаду в тайге,— сказал отец.— Я знаю все избушки в здешних местах и, уж конечно, найду, где укрыться, если буря застигнет меня в пути.

— Я тоже справлюсь,— заверил Антери.— Ведь маршрут

тот же самый, каким мы добирались сюда с Рипсу. К тому же я знаю, что на западе проходит автострада № 4. Ее нельзя миновать, не заметив.

— Тебе нужен компас,— сказал отец.— Солнце закроется тучами, оно не поможет определить направление.

— А как же ты? — спросил Антери.— Ведь у нас только один компас.

— Обойдусь и без него,— сказал отец.— Каждый лапландец умеет находить приметы, чтобы определять направление, если даже солнце скрыто тучами. Ты тоже мало-помалу научишься этому искусству, но пока я не рискую отправлять тебя в путь с пустыми руками... Если бы с нами была Сепи, тогда другое дело. Сепи сумела бы найти путь к дому в любую погоду и послужила бы тебе проводником. На Рипсу я не могу полагаться. С другой стороны, Сепи, конечно, пошла бы по следу волка, будь она с нами. Так что твое положение было бы то же самое.

Разговаривая с сыном, наставляя его и давая объяснения, отец все время хлопотал, как этого требовало принятое решение. Он свалил ближайшую сосну, распилил ее на бревна, годные для костра, обтесал бревна и наколол чурбаков на растопку. Затем сунул топор в рюкзак, где уже была уложена провизия. Но еще до этого он остругал две березовые хворостины, выбрал из улова две жирные форели, сделал на их боках косые надрезы и насыпал в них, а также внутрь рыбы соли. Березовые хворостины он заострил, насадил на них рыбу и воткнул их в снег близ костра. Задачей Антери было следить за тем, как поспевает рыба, переворачивать ее, чтобы она поджарилась с обеих сторон,— а это он умел делать и без подсказки отца. Наконец рыба прожарилась. Отец был готов в путь.

Они сели на хвойные ветки в укрытии и приступили к еде.

— Хороша эта рыба, поджаренная на костре,— сказал отец.— Нет ничего лучше... Ешь рыбу, сколько успеешь, пока будешь тут один. Такая сегодня у нас еда, а завтра прибавится еще. Когда приедешь с грузом домой, закопай рыбу в снег. Весь улов. В том числе и ту рыбу, которую достанешь завтра. Вместе с сетями... Лагерь можешь снести. Расстели

брезент на дне саней, уложи все на него и заверни края сверху вперехлест, ты видел, как я это делал. Тогда из саней ничего не вывалится, если даже они перевернутся... Если ты хочешь о чем-нибудь спросить, это последняя возможность.

— У меня нет вопросов,— ответил Антери.— Счастливого пути. Приезжай домой, как успеешь.

— Счастливо оставаться. Встретимся дома...

Отец похлопал сына по плечу и встал с хвойной подстилки. Он вскинул на спину рюкзак и ружье, встал на лыжи и поехал. Прежде чем исчезнуть за деревьями Виувалонвоса, он обернулся и крикнул:

— Возьми уши тех мертвых оленей, если успеешь и если найдешь то место. Сделай это, как я говорил. Есть у тебя нож?

— Есть. Ясное дело, есть...

Взмах рукой сначала в одну сторону, потом в другую. Антери остался один.

Глава семнадцатая

Антери возвращался домой...

До сих пор все шло хорошо, хотя продвижение вперед было медленным и гораздо более обременительным, чем две ночи назад. Особенно трудно приходилось Рипсу, который теперь тащил маленькие, но тяжело нагруженные сани. Они не скользили по насту так легко, как лыжи Антери. Олень пробовал бежать, но его шаг не был так силен, как тогда, когда они шли из дому. Поэтому он сперва бежал рысью, а потом перешел на резвый шаг. Антери, его хозяин, шел на лыжах с ним рядом, чуть впереди, и провисающий вожжевой ремень соединял обоих путников. Возможно, животное полагало, что на нем они общими усилиями тащат то, что нужно было тащить. Оно не понимало, что было в санях и зачем их нужно тащить, но оно полагалось на своего молодого хозяина и предоставляло этот вопрос его справедливому и мудрому решению. Одно Рипсу, во всяком случае, чувствовал: что они возвращались домой. Впереди была вкусная еда: лишай, мягкое сено и хвощ, а еще

хозяин давал время от времени кусок хлеба и немного сахара. Ради этого стоило работать во все лопатки рядом со своим опекуном...

После ухода отца дела на Виувалонвоса шли хорошо, согласно его советам и указаниям — вплоть до нынешнего утра. Антери добыл своему питомцу лишая на ночь. Он устроил новый костер из сваленных отцом деревьев, сделал это заботливо и умело, так что костер был готов уже днем. Он поджарил и поел рыбы, как советовал отец, причем так много, что у него выпятился живот, и к тому же ему захотелось пить — так густо он присаливал рыбу. Он пробежался вместе с Рипсу к реке, принес оттуда в пластиковом мешочке воды и вскипятил себе чаю. Он выпил его несколько куск — под конец он сбился со счета, — прежде чем жажда немного утихла.

Он совершил и второе путешествие к реке и, чтобы как-то провести время, пытался половить рыбу на блесну. Они захватили с собой удочку для зимнего лова. Но у него не было пешни и ледового коловорота, а топор забрал отец. Прорубь можно было бы вырезать моторной пилой, но она осталась в лагере. Поэтому он проделал ножом дыру во льду, покрывшем прорубь для спуска сети, и, хотя знал, что сеть находится где-то тут поблизости, спустил в воду блесну. Почти тотчас же клюнула какая-то крупная рыба, но, когда он стал вытаскивать ее на лед, она запуталась в сети. Пришлось разорвать леску и уповать на то, что утром он и рыбу добудет, и вернет себе хорошую блесну, оставшуюся у нее во рту. Так и случилось: и блесна была цела, и рыба попала в сани. Это была щука на два килограмма.

Еще Антери пытался убить время тем, что прошел полкилометра, следуя по кровавым следам волка и лыжных палок отца; лапы волка не оставляли на твердом насте никаких следов. Антери проделал этот короткий путь дважды — один раз днем и один раз незадолго до наступления сумерек. С окраины болотистой низины он смотрел на восток, куда вели следы. Но там было лишь несколько островков на болоте, и между ними виднелась широкая, необозримая, ровная снежная равнина — плес водохранилища. Глаз не замечал на ней ни малей-

шего движения: ушедший в погоню за волком отец не возвращался. Поэтому Антери, как мог, примирился с фактами, вернулся в лагерь и приготовился провести ночь в одиночестве.

Должно быть, он зажег костер слишком рано... Огонь охотно охватил растопку и ровно распространился по бревнам от конца до конца. Антери убрал вальки, которые поддерживали необходимый зазор при поджигании костра, и удостоверился, что все так, как должно быть. Он залез в спальный мешок и думал пролежать несколько часов, бодрствуя, прежде чем заснуть. Но случилось так, что он заснул крепким сном и спал до самой ночи. Потом он проснулся от странного сновидения: ему приснилось, будто Сепи пришла в лагерь и своим лаем разбудила его.

Он сел в спальном мешке, протер глаза и постарался стряхнуть остатки сна. Костер горел ровно. Рипсу лежал у кучи лишая немного поодаль, из-за облаков выплыла луна. Во рту было сухо; ему хотелось пить.

Он выбрался из укрытия, подошел к оленю и похлопал его, постоял и послушал. Нигде ни звука, ни лая Сепи. Нет, все же что-то было: лес вокруг, казалось, тихо вздыхал. И луна — она то пряталась в облаках, то показывалась вновь. Он мельком подумал, что погода меняется, как и предсказывал отец.

Он решил сварить крепкий кофе. Он подумал, что покончит с жаждой раз и навсегда.

В пластиковом мешочке была принесенная днем вода. Был и кофе. Антери насыпал его в кофейник чересчур. Он подумал, что кофе получился такой же крепкий, как тот, который недавно сварил отец после того, как свалил волка. По меньшей мере такой же.

И вот случилось так, что этот кофе лишил его сна. К тому же он недавно вздремнул, и все это, вместе взятое, привело к тому, что сон никак не приходил. Антери пробовал ложиться и на спину, и на бок, и на живот, но результат был один и тот же. Наряду с хорошими мыслями приходили воспоминания о прошедших событиях, мысли о его нынешнем положении здесь, о возможных несчастьях с отцом, бабушкой или матерью, все что угодно... А что, если волков было больше двух? Очень

могло быть, они подстерегают сейчас Рипсу. А у него только и оружия, что нож... Что это? Не послышался ли ему какой-то странный звук по ту сторону укрытия? И Рипсу тоже поднял голову...

Антери стало страшно. Захотелось забиться в самый дальний уголок спального мешка или хотя бы натянуть капюшон на глаза.

Но нет, нет... Антери нутром понял, что страх можно побороть, лишь идя ему навстречу. Шла ли речь о подлинной или только воображаемой причине страха, ее надо было увидеть своими глазами.

Он раскрыл «молнию» спального мешка, вскочил на ноги и надел сапоги. Он вынул из ножен свой маленький нож и вышел из промежутка между костром и местом для сна. Он остановился и прислушался.

Ничего.

Может быть, только лес вздыхал несколько тяжелее, чем совсем недавно, но больше ничего.

Рипсу лежал, положив голову набок. Луна все реже выглядывала из-за облаков. Дым от костра стлался по земле и образовывал круговорот перед брезентовым укрытием.

Антери обошел лагерь. Услышав его шаги, Рипсу поднял голову. Антери почесал за ушами своего питомца, и Рипсу в свою очередь потянулся губами к его штанине.

Все было в порядке.

Но Антери решил оттолкнуть от себя страх как можно дальше, так далеко, чтобы он больше не омрачал его нынешней ночью. Он обошел кругом всю Виувалонвоса. Это было четыре километра или около того, но он думал, что хоть после этого к нему придет сон.

Сон пришел, но не мирный, а беспокойный, полный кошмаров. Когда он в конце концов отделался от них, когда его дыхание стало ровным и он перестал метаться, он спал чрезмерно долго. Утро было уже в разгаре, когда он проснулся — проснулся от того, что верхнее бревно перегорело и упало со своего места.

Он, не позавтракав, поторопился к реке. В спешке он вы-

тащил первую сеть и уложил ее вместе с рыбами на дно саней. Вторая сеть вначале никак не вытаскивалась из-под льда, но потом все же поддавалась медленно и неохотно.

Антери подумал, что сеть зацепилась за корягу и что коряга скоро выплывет наружу. Но то, что выплыло наружу, была никакая не коряга, а нечто такое, что устрало Антери гораздо больше, чем ночные привидения и кошмары. Казалось, еще немного — и он бросит сеть и убежит.

Это была выдра.

Весь дрожа, Антери вытащил ее вместе с сетью на край проруби.

Глава восемнадцатая

Что еще это может быть, как не выдра, спрашивал себя Антери, когда немного успокоился и рискнул перевернуть безнадежно запутавшегося в сети зверя... Правда, за всю свою жизнь он видел выдру разве что на картинках, но пусть так: это могла быть только она. Для ондатры она была чересчур велика; ондатру он все-таки знал. А для бобра слишком мала, решил он. Бобра он никогда не видел, но читал о нем, слышал разговоры и, по крайней мере, знал, что у бобра плоский хвост.

Но, может быть, это тюлень? Нет, тюлени водятся в море. Никто из таежников никогда не рассказывал, чтобы тюлени встречались в здешних местах. И ведь тюлень гораздо больше и тяжелее...

Тяжела была и выдра. По крайней мере, килограммов на пять с половиной, решил Антери. И как бы там ни было, ее следовало привезти домой! У него мелькнула мысль, что, может быть, с нее надо снять шкуру, ведь видел же он, как снимали шкуру с волка, но он тотчас же отбросил эту мысль. Во-первых, отец велел торопиться домой, а во-вторых, он не знал, как надо обдирать такое животное: чулком ли, как белку или куницу, или как оленя, медведя или волка... Таежник не обходится малыми знаниями и навыками, подумал Антери. Многие узнано, но еще больше предстоит узнать.

Он положил завернутую в сеть выдру на дно саней и подивился про себя: вот будет возни-то, когда сверток размотают и сеть распутают. Наверное, она порвана в нескольких местах и ее надо будет отвезти дедушке для починки. Дедушка хорошо умел чинить сети, но, вероятно, это сумел бы и отец, если бы только захотел.

Антери пришел на стоянку и спешно принялся готовиться к отъезду. Он не знал, который сейчас час, потому что у мальчиков его возраста часов, конечно, не бывает, а от солнца было мало проку, так как оно пряталось за облаками.

Но сколько бы ни было времени, надо было трогаться в путь, и поскорее, думал Антери. Деревья Виувалонвоса беспрестанно гудели по верхам, и над болотистой низиной проносились порывы ветра. Впереди был трудный путь, и хорошо, если он проделает его до наступления темноты. К счастью, ветер был по большей части попутный... Антери выбил средние колья, державшие брезент, выдернул вбитые по его краям в землю колышки. Затем он разгрузил сани, сложил брезент и расстелил его по дну саней так, как велел отец. На дно он уложил все самое тяжелое: выдру, если только это была выдра, моторную пилу, вторую сеть вместе с рыбами, улов первого утра — замерзших щук, сигов, форелей и налимов поодиночке в щели внутри и по бокам. На самый верх он уложил волчью шкуру. Она тоже замерзла, но отец заранее сложил ее так, что она поместилась в сани; отец умный... Когда Антери, завернув края брезента, прикрыл ими все и стянул груз веревкой с боку на бок и крест-накрест — он видел, как это делают, — он мог лишь удостовериться, что возвращается с немалой добычей и тянуть ее Рипсу будет нелегко.

А теперь в путь!

Все шло хорошо и верно до сих пор: через Виувалооя, по знакомому боковому притоку в открытое пространство между кряжами Каринселкя и Кайтаселкя, оттуда мимо кряжа Каринселкя, остров болотистой низины Кейккумаапа направо и вересковая пустошь Киуруайпя налево — знакомые названия, следующие в обратном порядке, чем по пути сюда. А вот уже северная вершина сопочного массива Койтелайнен и сам Кой-

телайнен. Четыреста пять метров высотой, вспомнил Антери. Десять километров с лишком остались позади; ветер достиг силы настоящей метели. Он сбивал с деревьев шапки снега, они с шумом рассыпались, падая на твердый наст, порывы ветра подхватывали комья снега. И по-видимому, ветер взламывал также наст, ибо откуда же летели эти градины, которые словно иглы впивались в шею и лицо, стоило чуть повернуть голову? Какая удача, что ветер попутный, думал Антери вновь и вновь. Идти против ветра было бы невозможно. Или, по крайней мере, пришлось бы искать лесистые островки на болотах и укрываться за ними. А сейчас ветер дул им в спину. Если бы у Рипсу были лыжи на ногах, он мог бы скользить на них. Во всяком случае, во время самых сильных порывов...

Антери испытывал муки голода; за нынешний день он не взял в рот ни крошки... Он был вблизи сопочного массива Койтелайнен, внушавшего чувство безопасности высоты, где можно было разжечь из сушняка костер, заварить чаю и плотно закусить. Антери взглянул в ту сторону, заранее зная, что ничего этого не будет. Он успел увидеть, как стоявшая на болотистой низине чуть повыше сосна рухнула наземь, сломав при падении вершину живого дерева. Ветер подхватил сломанную вершину, выкатил ее между деревьев на низину и помчал по направлению к лесу Порккаусоя. Рипсу испугался движущегося предмета и шарахнулся в сторону. При этом он наступил копытом на конец лыжи Антери. На этом месте под лыжей оказалось углубление, и конец лыжи сломался.

К счастью, конец, а не носок. И к счастью, Антери крепко держал в руке ремень Рипсу. К счастью, Рипсу не бился изо всех сил, так, что могла бы оказаться бесполезной и более твердая хватка. И к счастью, это случилось на открытой низине, а не в заболоченном лесу. К счастью, к счастью...

Порядочная возня и сумятица из этого все-таки получилась. Тяговая веревка захлестнулась вокруг ног оленя, и сани перевернулись вверх дном. Рипсу, задние ноги которого были схвачены тяговым ремнем, как заяц, прыгал по снегу и тащил за собой и сани, и Антери, который обеими руками, стиснув зубы, держал вожжевой ремень.

Наконец верхушка дерева укатилась своим путем, исчезла в метели, и испуганное животное успокоилось.

— Тихо, тихо! — говорил Антери оленю. — Мы, видишь ли, оба в одном положении. Из него надо выбираться вместе, в одиночку ничего не выйдет.

Он спокойно отпутал веревку от ног оленя. Нервничать было нельзя. Он перевернул сани на полозья и посмотрел, не выпало ли чего; ничего не выпало, веревки держали прочно, все было под брезентом, только волчий хвост высунулся наружу и болтался позади саней.

«Пусть так и остается», — решил Антери.

В то же время он вспомнил, что надо отрезать уши убитых оленей и взять их с собой. Трупы их были тут поблизости, вон за тем островком на болоте.

— Не из-за этого ли мы перевернулись? — пробормотал про себя Антери. — Странное дело...

Он завернул к тому месту, здесь было поспокойнее. Он привязал Рипсу к сосне на болоте.

— Отдохни тут немного! Впереди большой труд, мы не прошли и половины пути. Наверное, нам надо хотя бы немного поесть, чтобы набраться сил... Я возьму эти уши, тогда посмотрим. Поедим хотя бы хлеба, раз нет ничего другого. По куску на каждого. И сахару. Он, говорят, прибавляет сил...

Тела оленей были отчасти занесены снегом, но все же видны. Антери отсек уши своим маленьким ножом, причем сделал это, как говорил отец: прихватил со лба часть кожи, так что уши каждого оленя составляли единое целое. У одного оленя на ушах не было разрезов, но он взял и их. Затем вернулся к саням.

Он распустил веревки, которыми были обвязаны сани, спрятал пары ушей в щели между рыбами, достал из продовольственного мешка хлеба и сахару и приступил к своей простой еде. Рипсу тоже получил хлеба и сахару и заел их снегом.

— Это и мне стоило бы сделать, ведь после такой сухой еды рано или поздно захочется пить, — сказал себе Антери. — Развести костер и вскипятить воду я не успею... Мать, конечно, запретила бы и сказала, что есть снег — вредно для здоровья,

от этого кашляешь и болит горло, но ты, Рипсу, кажется, об этом не думаешь. Ну, да у тебя на шее мой шарф. Во всяком случае, я знаю, что пить много воды нехорошо, это приводит к усталости. Так что пока не будем есть снег... А я тут разговариваю сам с собой, как дедушка или какой-нибудь старик, хотя ты, Рипсу, и слушаешь. Наверное, ты все же что-то понимаешь, раз так смотришь...

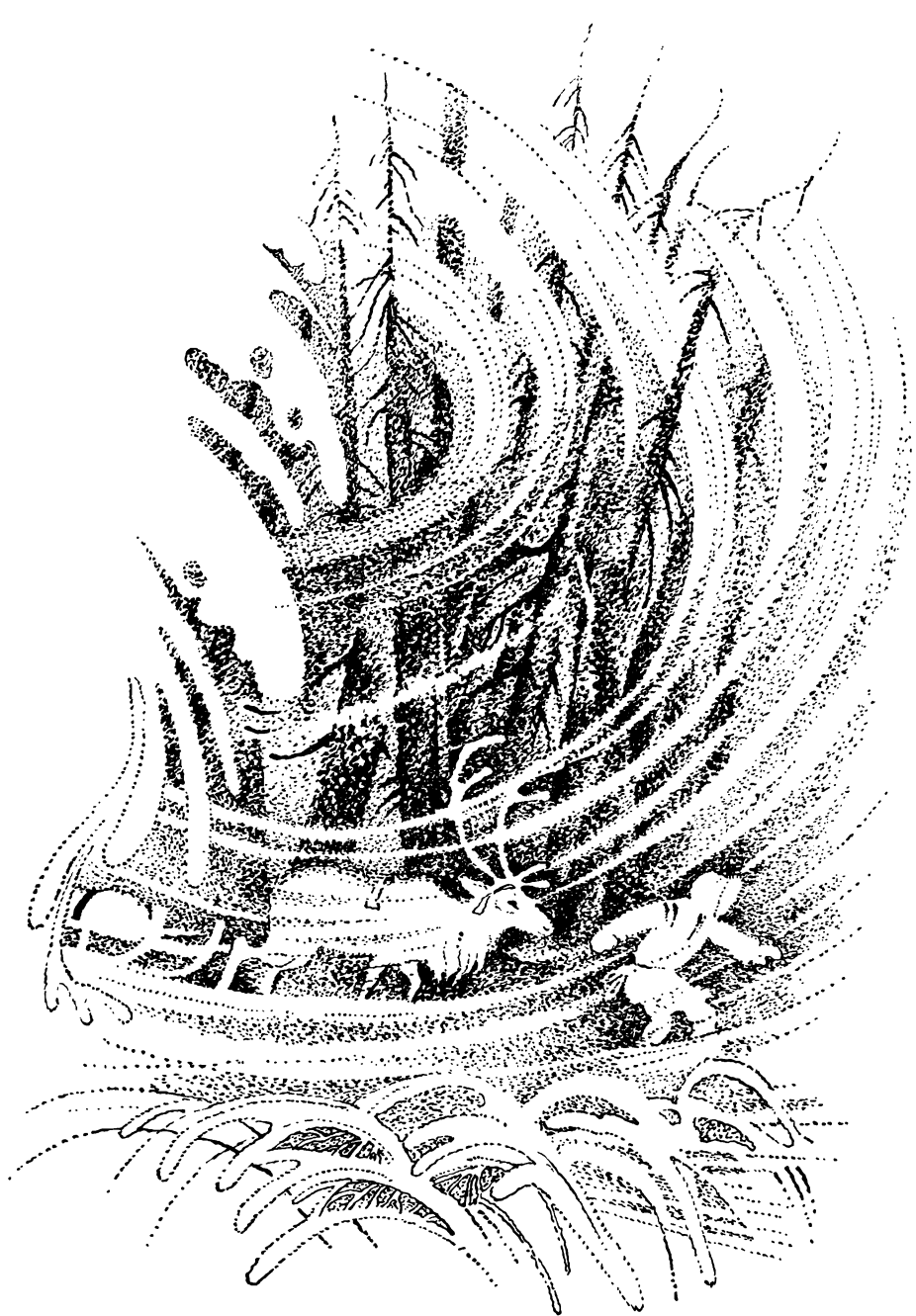
Он положил продуктовый мешок в сани и снова завязал веревки. Он нарочно оставил волчий хвост так, чтобы его было видно, и подумал, как хорошо, когда человек возвращается из тайги и позади саней болтается волчий хвост. Ему думалось об отце, который был неизвестно где, о доме, который был еще далеко, о дедушке, о Матти-Олене...

— В путь, Рипсу! Должно быть, вечер уже близко, раз так темно. А может, причиной этакая вьюга... Отсюда начинаются такие запутанные болота, что в темноте из них трудно выбраться. В этих местах проводится «здоровая экономическая политика», как обычно говорят дедушка и отец: деревья валят так, что птице не на что сесть. Теперь больше не будет лесных ориентиров, по которым можно было бы определить, где мы идем. Придется полагаться на компас... Отец сказал, что если бы с нами была Сепи, она довела бы нас до дому. Ну а ты, Рипсу? Если б я дал тебе выбирать направление, что бы из этого вышло? Но я еще некоторое время буду вести тебя, не так ли?.. До беды, похоже, еще далеко. Ветер дует нам в затылок и помогает идти вперед. «Беги, мой олень...»

Глава девятнадцатая

Погода все ухудшалась.

После сопочного массива Койтелайнен и леса Порккаусоя впереди была болотистая низина Лоуеаапа, но хотя Антери знал, что она тянется на два, самое большее на три километра по его маршруту, он не мог увидеть ее другого края. Возможно, это удалось бы ему и при такой погоде, если бы по пути его следования были какие-нибудь зримые ориентиры, но

беспощадная рубка леса снесла все деревья как с низины Лоуеаапа, так и с других обширных территорий в этих местах. Остались только непригодные к рубке и не имеющие никакой ценности корявые сосны, чахлые березы, подлесок и несчастные саженцы лесопосадок. Антери помнил жалкое зрелище, виденное им по пути из дому: выстриженный начисто кряж Большой Вайсконселкя и убогий Кевитса. Нечего было и думать о том, чтобы переждать непогоду на этих открытых пространствах. Надо было стремиться пересечь их, надо было стремиться достичь другой стороны, надежного леса, который хоть сколько-нибудь защитил бы путника и дал ему деревья для согревающего костра.

На пути ветра здесь не было никаких препятствий. Ветер был такой жестокий, что, казалось, тебя сильно толкают в спину. Его порывы словно ударили по плечам. Становилось трудно удерживать равновесие.

Антери все же попал в промежуток между болотами, проскользнул в него и надеялся, что возвышенности болотных островов хотя бы немного сдержат неистовство ветра. Но этого не произошло, потому что лесу на них либо вовсе не было, либо он был очень редкий. На самом же деле положение еще более ухудшилось из-за этих начисто выбритых, во все стороны разбредшихся бугров. Ибо они на свой лад направляли шедшие сзади потоки ветра так, что он дул то справа, то слева. Теперь надо было пересечь болотистую низину Хуутамоаапа. И поскольку она тянулась с северо-запада на юго-восток, так же как и кряж Большой Вайсконселкя, ветер дул с северо-запада, и правую щеку Антери секли острые кристаллы снега. Приходилось идти боком и вообще терпеть уколы на всем лице. Воротник куртки был уже давно поднят, одна рука прикрывала щеку, лоб и глаза... Надетый матерью шарф был бы сейчас очень кстати, признал Антери. Но он был на шее оленя, смягчал давление тяговой веревки. Рипсу шарф был нужен не меньше, чем Антери, так как он тащил тяжелый груз...

Пошатываясь, преодолевая себя, кряхтя и задыхаясь, они вышли к юго-восточной оконечности кряжа Большой Вайсконселкя — так, по крайней мере, полагал Антери — и круто повер-

нули на запад, под боковой ветер, чтобы обогнуть северную оконечность острова Кёвитсансаари. Конечно, всегда можно было бы взять напрямик через безлесные мыски болот, но Антери помнил виденное им по пути из дома. Хотя гладкоствольные сосны и годные в дело ели были срублены и увезены, повсюду виднелись высокие пни, гнилые стволы, кривые деревья и прочий мусор, который изящно называли лесосечными отходами. Неразумно было бы и в ясную погоду отправляться в такой лес за приключениями, а уж в такую погоду и подавно. Если сани застрянут на пне, тяговая веревка и вожжевой ремень перепутаются, сломается под валежником носок лыжи, заупрямится и без того раздраженный олень, что тогда? Он останется здесь, и слезы не помогут... Нет, лучше выбрать ровный, хотя и дальний путь, пусть он будет трудный и мучительный.

С грехом пополам Антери и Рипсу прошли это более чем полукилометровое испытание и вновь выбрались на такой маршрут, когда ветер дул им в спину. Обоих начала одолевать усталость — лыжи уже не скользили так гладко по снегу, а приставший к дну саней лесной мусор тормозил их движение. Рипсу замедлил шаг, даже останавливался несколько раз, и его бока ходили быстро, слишком быстро. Олень вконец устал и запыхался. Сильный ветер, конечно, был ему нипочем, так как данная ему природой шуба защищала его от любой непогоды. Но он был слишком молод и не приучен к такому длительному напряжению сил. Что касается Антери, то и он был молод, слишком молод для такого пути. Но он был мужчиной, и у него была мужская воля, четкое представление о цели и смысле своих усилий. Чем больше убавлялось у него силы, тем больше укреплялась его воля. Антери отвечал не только за самого себя: у него был дом, где его ждала мать, отец, который полагался на него так, что доверил ему их общую добычу и доставку ее домой, был дедушка, который возлагал на него большие надежды, и, наконец, Матти-Олень.

Антери знал, что выдержит, если уж на то пошло. Но с другой стороны, какой-то голос в нем предостерегал: часть физических сил и воли надо приберегать. Неподготовленная

ночевка в тайге в это время года невозможна. Остановиться в том месте, где иссякнут все силы, будет означать конец.

Он прикинул, что они находятся примерно посередине болота между сопкой Кевитса и рощей Большая Ханхилехто. Около южной оконечности болота было озеро Сайвелярви, и оттуда ему надо было попасть на самую узкую часть перешейка между Большой и Малой рощами Ханхилехто и перейти через нее. Ветер дул как бешеный. Казалось, его порывы налетали теперь со всех сторон. Стемнело. Должно быть, уже надвигалась ночь...

Он взглянул на компас: направление было верное... До автостреды № 4 было около десяти километров. Но между ним и шоссе была большая река Китинен, и лед на ней мог быть слабый — во всяком случае, на месте быстрин. В свою очередь, впереди была оконечность озера Сайвелярви, и кто знает, не было ли на нем проталин и разводьев... Может быть, следовало дать волю Рипсу и положиться на то, что своим животным инстинктом он почует опасные места, обойдет их и приведет его куда-нибудь в более укрытое место из этих пространств, где бушуют ветры...

Антери пропустил вперед Рипсу и, ослабив вожжевой ремень, пошел вровень с санями. Ему было ясно, что этой ночью он не успеет домой; теперь следовало положиться на Рипсу и вместе с тем подыскивать как можно более подходящее место для ночлега. В этих краях наверняка есть заброшенные избы, хижины таежников и рыбаков, какой-нибудь нежилой барак или дом, оставшийся после рубки леса, он только не знал, где они расположены. Лишь счастливая случайность могла помочь ему набрести на такое жилище. Всякую другую возможность лучше было сбросить со счетов...

Рипсу останавливался, продвигался вперед и снова останавливался. Местность стала явственно повышаться. Был ли это край болота и была ли это одна из рощ Ханхилехто? Опять остановка... Почему олень поднял голову?.. Может быть, ему мешала тяговая веревка между ног или аркан натирал шею?

Антери подъехал к передку саней и пощупал тяговую веревку. Она была в порядке и, во всяком случае, не закручивалась

вокруг ног Рипсу. В порядке был и материнский шарф, облежавший лопатки оленя. Что же тогда?

Голова оленя была поднята, и он, казалось, смотрел в пургу в известном ему направлении. Он вдохнул ноздрями воздух и ударил ногой о наст. Там, куда смотрел Рипсу, было что-то необычное. Неужели еще волки? Или другие звери?

Антери удостоверился, что нож при нем. Он передвинул ножны на поясе вперед и убедился, что маленький нож легко вынимается из ножен. Затем он сильно оттолкнулся палками, выехал вперед оленя и натянул вожжевой ремень.

— Пошли! — сказал Антери.

Олень последовал за ним.

— Не стоит здесь останавливаться, — пробормотал Антери на ветру. — И не следует обращаться в бегство, в особенности если даже не знаешь, что там впереди и есть ли там что-нибудь... Что это? Там мелькнул свет! Или меня обманывают глаза? Ты видел, Рипсу?

Олень остановился позади него и с шумом потянул в себя воздух.

— Опять...

Антери быстро перебрал в уме, отчего мог быть этот свет: на много километров вокруг тут не было жилья, следовательно, свет был случайный. Это был не костер и не красноватый свет свечи. Он был ярче. Мотосани в темноте? Но свет не двигался, и не было слышно рокота мотора... Неужели это хижина, в которую кто-то принес газовый фонарь?

Так или иначе, свет был признаком человека, а человек — это означало помощь и спасение. К свету надо было идти, причем быстро, чтобы он не успел погаснуть или исчезнуть.

Но неужели он уже погас и исчез? Его больше не было видно...

— Э-эй!

Порыв ветра унес крик и с силой швырнул снег.

— Пошли, Рипсу! Иди! Быстро...

Свет на минуту показался опять. Казалось, он раскачивается взад и вперед. Затем погас. Зажегся, опять погас.

— Э-эй! Мы здесь... Мы дойдем, если успеем!

Сделав несколько шагов, Рипсу остановился. Он не двигался с места, как ни дергал его Антери. Затем свет, световой конус зажегся совсем близко, уперся в наст и осветил носки лесных лыж, которые приближались, двигаясь в спокойном ритме. Когда они были совсем близко, световой конус поднялся, прошелся по Антери, вдоль вожжевого ремня по Рипсу, затем по саням и на мгновение задержался на волчьем хвосте.

Антери смутно видел, что это был человек на лыжах, с электрическим фонарем в руке. Это не был отец — Антери узнал бы носки его лыж. С другой стороны, в нем брезжило воспоминание, что где-то он видел эти лыжи, по концам которых только что прошелся световой конус. Но где? Кто мог быть этот лыжник в такую собачью погоду?

Кто бы то ни был, Антери почувствовал усталость. Главное, это был человек, который наверняка знал здешнюю тайгу лучше, чем он, новичок...

Наконец человек совсем приблизился, подъехал к нему, положил руку ему на плечо и сказал:

— Так вот откуда идет рыбак. Или, лучше сказать, истребитель волков.

— Матти-Олень...

Антери произнес это тихо, хотя ему хотелось громко кричать от восторга; возможно, старый оленевод даже и не расслышал его слов... Затем, как будто эта встреча была обычным событием и состоялась на деревенской тропе или часто хоженной лыжне, Антери продолжал:

— Никакой я не истребитель волков. Это отец убил его. А в возу есть кое-какая рыба. Я припозднился с отправлением, а тут еще эта метель...

— Да, метель,— согласился Матти-Олень.— Думал ли ты поспеть домой еще этой ночью? Ведь здесь немного впереди есть теплая избушка, и там ты мог бы переждать непогоду. Отсюда до деревни еще добрый кусок пути. И твой олень, кажется, устал...

— Да, Рипсу устал,— сказал Антери.— И мне тоже некуда торопиться. Пойдем устроимся в этой избушке.

— Тогда этим путем.

Глава двадцатая

Кто знает, может, это был обоюдный спектакль. Изрядное театральное представление здесь, у южной оконечности озера Сайвелярви в финской Лапландии, когда разыгралась весенняя метель. Наигранные слова, интонации, позы...

Значит, истина была в другом?

Истина состояла в том, что бушевала пурга; что сезонный ветер под названием лесосев выдувал из шишек семена и разбрасывал их, обломанные ветки и прочий лесной мусор повсюду по насту; что высохшие деревья падали там, где они

еще уцелели. Истина, полная истина состояла в том, что для рожденных и выросших в этих местах людей было обычным относиться к сюрпризам спокойно.

Негоже было здесь, в дебрях, склоняться перед несчастьями и невзгодами, но и не было необходимо, ни тем более желательно неистовствовать от радостной новости или сходить с ума от удачи — вот в чем состояла истина.

Возможно, именно сейчас покой и сдержанность казались преувеличенными. Но может быть, эта счастливая встреча в пургу в темноте и была причиной того, что старик и мальчик старались напускать на себя спокойствие, знали, это и радовались этому. Публики у этого зрелища было мало, и, если счесть за зрительный зал окружающую природу, особенно деревья в лесу, публика была крайне немногочисленная и обветшала, ее прямо-таки не существовало. Так что если это была вообще сцена, то ей радовались только сами актеры — они пытались сыграть свою роль как можно лучше.

Антери не разразился восторженными криками, встретив своего надежного друга в минуту беды.

Старик сделал свое предложение тактично, ссылаясь на усталость оленя, а не мальчика.

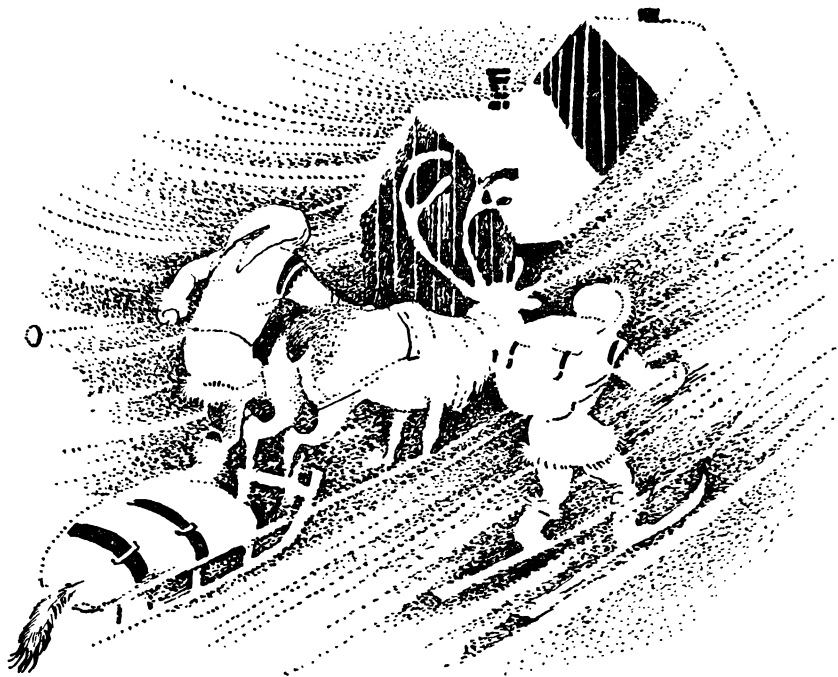
Антери ответил, что в избушку можно было бы завернуть. — Тогда этим путем, — сказал Матти-Олень.

Конечно же, бывалый ходок по тайге знал истинное положение вещей. Он знал, какой длинный путь совершил мальчик с оленем, и мог сделать свои выводы. Кроме усталости Рипсу, он видел также, какое облегчение и радость испытал Антери. К чему еще спрашивать об этом?

И к чему бы мальчик стал рассказывать о том, что, по его убеждению, Матти-Олень знал досконально?

Старый оленевод взял из руки Антери вожжевой ремень Рипсу и тронулся в путь. Антери пристроился замыкающим и последовал за санями, пробиваясь сквозь пургу.

До избушки было совсем недалеко. Но все же Антери успел обдумать по пути эту странную встречу.

Что делал Матти-Олень в этих пустынных местах?

И что бы он ни делал — если он жил в какой-нибудь избушке здесь неподалеку, — почему он именно в этот вечер вышел из-под крова на этот ветер, в пургу?

Может, эта встреча была спланирована заранее? Устроена?

Кто же тогда спланировал и устроил ее? Матти-Олень? Если так, то как он сумел вовремя попасть в верное место?

Антери заметил, что у стены избушки лежал олень. При их приближении он встал. Сноп света от карманного фонаря в руке Матти-Оленя выхватил его из темноты, и Антери узнал его. Это был ездовой олень Матти, с большими рогами и очень сильный.

Стало быть, Матти приехал сюда на олене.

Ну, а зачем он приехал? У старика не было мотосаней, и передвигаться по тайге, по неведомым путям, на олене было все же лучше, чем просто на лыжах.

Ну, а все-таки...

И тут тоже возле оленя были лопарские сани. А в них лишай и хвощ. Зачем же одновременно и лыжи, и сани?

— Иди в избу греться! — сказал старик, когда они остановились. — Ты, наверное, вспотел, и тебе нельзя охлаждаться. Я пристрою твоего Рипсу. Я собрал для своего оленя жутко много лишая, так что его хватит и для твоего оленя... Есть у тебя в санях что надо внести в избу?

— Мешок с провизией, — сказал Антери. Он снял с ног лыжи и воткнул их в наст поблизости от стены. — А там на дне выдра.

— Что такое? — заинтересовался Матти-Олень.

— Да, наверное, выдра, — сказал Антери. — Запуталась в сети, да так, что я положил ее вместе с сетью. Не успел снять с нее шкуру, потому что нагрянула вьюга и надо было спешно отправляться домой.

— Так, значит, выдра! — сказал старый оленевод. — Волк и выдра. А твой отец, конечно, гонится за другими.

Антери прямо-таки вздрогнул от испуга: этот старик — ведун, колдун, вещун. Как он мог говорить с такой уверенностью о том, что произошло за десятки километров в тайге? А может, он встретил отца?

— Что отец... Где вы встретились с ним? — запинаясь, спросил Антери.

— Хо-хо-хо, — рассмеялся старик. — Не видел я твоего отца, а он не видел меня, вот так-то. Иди в избушку. Я все объясню, когда приду вслед за тобой. В этом нет ничего сверхъестественного...

Антери обдало теплом, когда он открыл дверь и вошел внутрь. У стены, где была дверь, прямо налево был, очевидно, очаг — несколько углей тлели в золе. Вообще же в избушке было темно.

Он достал из кармана коробок спичек и чиркнул одной. В ее свете он увидел у задней стены сплошные нары, кучу дров у очага, окно и перед ним маленький столик. На столе

стояла бутылка, в горлышко которой была воткнута свеча. Он поднес пламя спички к свече, она тотчас загорелась и осветила избушку.

Он бросил два или три полена на тлеющие в очаге угли и присел на нары. Он страшно устал. Только теперь он осмелился признаться себе, как он устал. Ногам было больно, плечи ломило. Лицо, исхлестанное ветром, горело.

Он чувствовал голод, но сильнее голода была потребность в отдыхе. Он подумал, что успеет отлежаться немного, пока придет Матти-Олень. На нарах лежала старая шкура лося. Он не снял шапку, одна варежка осталась у него на руке. Шум ветра за стенами избушки слышался слабее, затихал. Антери слышал его еще с минуту, потом он окончательно затих. Брошенные в очаг дрова разгорелись ярким пламенем, но Антери этого не видел.

Он проснулся от звяканья дужки котелка или какой-то другой посуды и сразу почувствовал страшный голод. Он сел на нарах, почуял запах жареной рыбы и аромат кофе и, не задавая лишних вопросов, придвинулся к столу, на котором горела свеча. Матти-Олень сидел на чурбаке с другой стороны стола и следил за вертелами с рыбой, жарившейся на углях в очаге. В котелке на тагане дымился готовый кофе.

— Они как раз поспели,— сказал старик, подавая на стол вертела с жирными сигами, поджарившимися на углях.— Подумал, что можно поджарить пару штук, раз их так много. Как ты думаешь?

— Конечно же, их можно брать и поджаривать,— сказал Антери.— Я, кажется, вздремнул.

— Было малость... Должен же человек поспать после такого пути,— сказал Матти-Олень.

Антери хотелось знать, как долго он проспал на лосиной шкуре, но он не стал любопытствовать. Он попытался определить время, взглянув в маленькое окошко избушки, но там была сплошная темень и пурга, с такой силой бросавшая снег в окошко, что только стекла звенели. На столе в горлышке бутылки горела свеча; была ли это та же свеча, которую он

зажег, или новая, вставленная в горлышко, когда старая догорела?

Ну, а куча дров у очага, уменьшилась ли она? Но Матти-Олень мог принести новых дров, напилить и наколоть их снаружи так тихо, что он не проснулся.

Выпотрошить, посолить и поджарить сига, лежавших на столе, во всяком случае, заняло примерно полчаса, решил Антери. Это никак не согласовывалось с тем, что свеча обгорела так мало. Значит, свеча была новая и он проспал часа два или больше...

Вопрос о том, как долго он проспал, в конце концов не имел особого значения. К тому же он выяснил бы это исподволь, с наступлением утра, если не раньше. Но Антери был внимателен к мелочам и ничего не мог с собой поделаться. Это было наследие прошлых поколений охотников, рыболовов и оленеводов, которым приходилось именно на основании мелочей принимать важные решения.

— Это и вправду была выдра,— вдруг сказал Матти-Олень.— И большая. Теперь ей уже больше не разбойничать, не хватать рыб...

Антери ничего не ответил. Он засунул в рот кусок сига и, наострив уши, ждал слова, по которому можно было бы судить, сколько времени он проспал.

— ...И сеть она здорово изодрала. Но сеть еще будет служить, когда мы починим ее.

«Вот как,— подумал про себя Антери.— Матти отпутал выдру от сети, и на это занятие ушло, наверное, по крайней мере столько времени, сколько надо, чтобы сгорела одна свеча... Но посидим тихо и послушаем, может быть, узнаем еще что-нибудь».

А старик продолжал:

— Давно уже это было, когда я в последний раз обдирал выдру. В старину мех выдры очень ценился, и важный человек был тот, на голове которого красовалась шапка из меха выдры. Да и нынче она смотрится по-другому, чем эти шапки из искусственного меха и кожи... Ты уже думал, что ты сделаешь из ее меха? Я бы предложил сделать шапку.

«Снял ли Матти шкуру с выдры в то время, пока я спал? — подумал Антери.— Уж не третья ли свеча горела в горлышке бутылки за эту ночь?»

— Это была здоровенная зверюга. И шкура тоже. Из нее свободно выйдет три шапки,— говорил старый оленевод.— Осмелюсь ли сделать тебе одно предложение?

— Почему же нет?..

— Шкура на выдре вообще держится крепко, а эта была мертва уже много часов. Можешь мне поверить, что снять с нее шкуру возможно только мелкой работой ножом. Так что если ты дашь мне за обдирку мех на одну шапку, вы с отцом оба будете с шапками из меха выдры. Можете выбрать лучшие места, мне сгодится и то, что останется,— говорил Матти-Олень.

Ясное дело. Антери получил необходимые сведения, чтобы сделать собственные умозаключения. Он проспал всю ночь, а Матти-Олень тем временем возился с распутыванием сетей, потрошением рыбы и сдиранием шкуры с выдры. Недаром он, Антери, чувствовал себя таким бодрым...

Разве можно застать врасплох эту старую лису, подумал Антери. Если он думает, будто он, Антери, не знает о том, что прошла ночь, то надо сказать ему что-нибудь такое, что заставило бы его думать иначе.

— По мне, так пожалуйста. Хоть две шапки. Но сперва надо спросить отца.

— Верно,— сказал Матти-Олень.

— Может быть, он уже дома. А мы скоро отправимся отсюда? На дворе, наверное, уже светает?

Но со старым таежником такие штуки не проходили. Он умел покашливать, пытаясь тактично объяснить своему молодому другу, который сейчас час. А теперь он был по-настоящему рад и счастлив, обнаружив, что мальчик обладает безошибочной способностью к умозаключениям.

— Хо-хо-хо,— прогудел он и ударил ладонью по столу.— «Человек спит, одежда не спит». Это верно! Но мы еще посидим здесь часок-полтора. Попьем кофе, да и я прилягу и разогну спину. Сани готовы, так что осталось лишь запрячь

наших бегунов, и можно отправляться. Подождем, когда станет по-настоящему светло. Четыре часа езды или самое большее пять — и мы дома, хотя и метет пурга. Что ты на это скажешь?

— Да, так и сделаем,— ответил Антери.— Почему бы и нет?

Глава двадцать первая

Последняя часть обратного пути, примерно две мили, была очень трудной, несмотря на то что теперь их было двое и у них было два оленя, причем второй парой был бывалый таежник и сильный олень.

Погода заметно смягчилась, и приходилось опасаться только одного: что наст рано или поздно просядет. Поэтому надо было спешить, пока олени копыта еще не проваливались сквозь корку наста. Надо было спешить, потому что ветер за ночь переменялся и теперь был почти встречный. Он все еще был сильный и нес с собой больше снега, чем вчера. Он залеплял глаза и не давал дышать.

— Как же теперь? — спросил Антери, когда они остановились передохнуть.

— А вот так. Что это за лесосев, который разносит семена только в одном направлении, на юг? Семена нужны и на севере, именно там. Ведь те начисто вырубленные пространства, через которые мы только что прошли, не единственные у нас в Лапландии. Тысячи и тысячи гектаров нуждаются в готовых к прорастанию семенах, причем таких, которые унаследовали выносливость и способность выжить в суровых условиях тех краев...

Они пришли с государственных лесосек в частные леса, где деревья еще все-таки стояли. Ветер не мог разгуливать здесь так беспрепятственно, и в углублении местности, на краю густых и живучих лесопосадок они нашли укрытое место для отдыха.

Лесоводы-профессионалы пробовали в прошлые годы засеять эти открытые пространства, и они использовали при-

везенные с юга семена,— разматывал клубок памяти Матти-Олень, высказывая то, что лежало у него на сердце.— Но из этого ничего не вышло, хотя землю выжгли, расчистили, унавозили, оросили и прорыли канавы. На ней попытались посадить и саженцы выросших на юге деревьев, но результат был тот же самый. Ведь ясно же: что легко выросло, то не может справиться с трудностями... Нынешний год был урожайный на семена, и лесосев тоже проходит в самые подходящие сроки. Можно надеяться, что целесообразность в природе возьмет свое. Если только какой-нибудь высокопоставленный умник на юге не выдумает какое-нибудь диво, которое поставит на голову заведенный в природе порядок...

Антери слушал и старался осмыслить обобщения, еще слишком широкие для его понимания. Кроме того, у него были еще не разрешены более близкие и личные задачи, например, как старик мог знать вчера вечером о том, что отец отправился в погоню за волком. Матти-Олень обещал объяснить это, но, очевидно, забыл. Антери решил спросить и спросил.

— А-а, это? — Матти-Олень рассмеялся.— Я помнил об этом, но думал, что ты сам догадаешься, как догадался нынче утром о том, сколько времени ты проспал, хотя у тебя не было часов... Видишь ли, отца не было с тобой, когда мы встретились вчера вечером на этом перешейке между двумя Ханхилехто. Из твоих саней из-под брезента торчал волчий хвост. По-видимому, ты нарочно оставил его болтаться. Таким образом, если бы у тебя в санях были две волчьи шкуры, тогда были бы видны два хвоста. И в-третьих, мне помогло мое знание волков: я знаю, что в это время года они бегают парами... так вот: в твоих санях была только одна волчья шкура; а где второй волк? Мальчик твоих лет идет один по тайге в весеннюю вьюгу. Где отец? Конечно, погнался за вторым волком... Все так просто.

— Не для меня,— сказал Антери.

— Ну-ну, конечно, тут требуется немного знаний,— согласился Матти-Олень.— Но ты, конечно, научишься всему, когда подрастешь и у тебя прибавится опыта и знаний.

Научишься узнавать, какое животное сделало цепочку следов на снегу, и тогда научишься читать письма следов и на талой земле. Научишься узнавать птиц и в конце концов будешь знать их так хорошо, что тебе даже не понадобится видеть их, а ты уже будешь знать, где они и каких видов; по их голосам и хлопанию крыльев ты научишься делать правильные умозаключения. А когда в пору талых вод увидишь, как на поверхности воды мелькнула рыба, будешь знать наверняка, сиг ли это, хариус, форель или щука... Хочешь послушать еще умозаключения? Их можно делать и наперед...

— Давай,— с жаром сказал Антери.

— Ну так слушай. Твой отец не настиг второго волка. Ему следовало погнаться за ним еще до того, как началась пурга, в таком случае он быстро снял бы с него шкуру, сразу же пошел бы по твоим следам и догнал бы тебя при попутном ветре. Но все было не так. При такой погоде нагнать волка нельзя, пусть даже раненного, потому что снег заметает следы. Твоего отца не будет дома, когда мы вернемся. Он придет завтра... Когда он убедился, что настичь волка невозможно и началась вьюга, он поехал к избушке твоего дедушки. Он возвратится домой завтра к вечеру, хотя вьюга еще не утихнет. Несмотря на нее, он проделает завтра этот длинный путь, потому что он беспокоится о том, как его сын добрался до дома в пургу...

Таков рассказ о мальчике из финской Лапландии, живущем примерно в ста пятидесяти километрах от Полярного круга.

И чтобы этот рассказ не был рассказом о каком угодно мальчике, чтобы потом, вспоминая его, вы не забыли, в каких именно краях произошли описываемые в нем события, к нему нужно прибавить еще несколько строчек.

Ибо это еще и повествование о счастливом возвращении домой счастливого рыболова.

Так ли это? Так ли должны заканчиваться рассказы?

Возможно ли, чтобы человеку так долго везло, и не ложь ли, что удачи так и сыплются на него одна за другой?

Гораздо правдоподобнее, конечно, когда они выпадают человеку в других местах. Их не так много здесь, где лето длится три месяца, а то и того меньше, где неопытный или слабый человек может погибнуть в пургу даже в апреле и где среди зимы в самую темную пору солнца не видно два месяца.

Поэтому Антери, сын Лапландии, приближайся осторожно к своей деревне, к своему новому дому, который ты еще не полностью признаешь своим домом. Смотри и слушай, когда вместе с твоим испытанным другом ты выходишь из пурги, думая о тепле и отдыхе.

Напрасно предостерегать. Тщетно советовать. Ты так делаешь. Склонность к сомнению, осторожность и сдержанность — твое кровное наследие, а малые лета твоей жизни научили тебя большому.

Итак, когда ты не услышишь того, что ожидал услышать, ты будешь знать: что-то произошло.

И когда ты не увидишь твоего друга Сепи ни на крыше конуры, ни на ступеньках крыльца, ни в окнах дома, ты будешь знать наверняка, в чем дело. Ты подумаешь, что Сепи больше нет на свете.

Подумав так, не надо больше спешить в дом. Можно спокойно снять с Рипсу его нехитрую сбрую, привязать его на ремне на его обычном месте и принести ему корм. Можно также похлопать своего товарища и спутника, погладить его по шее и по голове, может быть, еще более нежно теперь, когда дела обернулись таким образом, поблагодарить его за хорошо выполненную работу.

Старый оленевод ждет на ступеньках крыльца. Может быть, и он уже знает. В любом случае он не спросит, почему мальчик задержался. Они вместе входят в дом. Мальчик несет на плече шкуру волка и выдры.

Сепи еще жива. Она лежит в избе у печи. В ее глазах сверкнет огонек, она узнает его, но не сможет поднять голову.

Мать рассказывает, что собака каким-то образом сорва-

лась с цепи. Она выбежала на шоссе, и какая-то машина на большой скорости отбросила ее на бордюрный камень.

— Бедняжка Сепи не привыкла к такому движению,— говорит мать.— Где мы раньше жили, не было автомобилей.

На глазах матери слезы.

Матти-Олень помогает мальчику разгрузить сани и спрятать улов в снег. Он получает двух крупных налимов, большую форель, благодарит и уходит.

Мальчик возвращается в дом. Он расстилает шкуру волка перед собакой. Сепи открывает глаза, прижимается, лижет горячим языком руку мальчика. Закрывает глаза. Она умерла.

Мать замечает это только после того, как они обменялись новостями.

— Сепи отошла,— тихо говорит она.— Бедняжка. Этот шофер даже не остановился посмотреть.

И немного погодя, когда собаку уже вынесли:

— Сепи сейчас в лучших охотничьих угодьях, как говорят...

Это уже лишнее. Слова матери получают новый и странный смысл. Правда и воображение смешиваются в них. Не в силах сдержаться, мальчик прорывается, как скованный льдом водопад весной:

— Знаешь ли ты, мать, что Сепи никогда не упускала птицу, которую она находила? Она могла облаивать ее как угодно долго. Ты говоришь, в лучших охотничьих угодьях? Кто подстрелит птицу, которую там найдет Сепи и будет облаивать вечно?

Мать испуганно прикрывает рукой рот и не может ничего ответить.

Антери выходит из дому. Он идет к оленю.

Назавтра под вечер возвращается отец. Он так устал, что даже не разговаривает. Только поев, он сообщает важную новость:

— Отвез отца на кладбище. Да, сын, твой дедушка ушел от нас... А где Сепи?

Для среднего и старшего
возраста

Вейкко Хаакана

АНТЕРИ, СЫН ЛАПЛАНДИИ

Повесть

ИБ № 1950

Ответственный редактор *Н. В. Шерешевская*
Художественный редактор *С. И. Нижняя*
Технический редактор *Л. С. Стёпина*
Корректоры *Н. Е. Кошелева* и *В. В. Кудина*

Сдано в набор 29/VI 1978 г. Подписано к печати 20/X 1978 г. Формат 60×90^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 6,42. Тираж 75 000 экз. Заказ № 2901. Цена 35 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература», Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Хаакана В.

X12 Антери, сын Лапландии: Повесть/ Пер. с финск. В. Смирнова; Рис. Е. Савина.— М.: Дет. лит., 1978.— 127 с., ил.

В пер.: 35 к.

Повесть современного финского писателя о мальчике и его семье из суровой Лапландии. О первом знакомстве с оленями, с зимним лесом, с ночевкой у костра. О воспитании мужества и взаимной выручки.

Х 70802—519 388—78
M101(03)78

И(Фин)

35 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»